

СЕРГЕЙ ГЛАЗЬЕВ

ЛОГИКА ИСТОРИИ

ГЛАВА 4. Закономерности долгосрочного развития современной экономики

Разрушение глобальной имперской государственности, становление капиталистических производственных отношений, формирование демократических институтов, рационализация общественного сознания и десекуляризация повлекли кардинальные изменения в механизмах социально-экономического развития. Воспроизводство экономики стало определяться процессами накопления капитала, во властно-хозяйственных отношениях стала доминировать буржуазия, общество расколосось на классы с антагонистическими интересами. Становление гражданского общества и правового государства сопровождалось разрушением общинных форм социальной организации с иерархическими структурами личной зависимости. Их место занимали договорные отношения эгоистически мыслящих индивидов, частные интересы которых стали двигателем социально-экономического развития. Идеология веры в Бога и служения Царю была замещена теорией Общественного договора равных по своим политическим правам граждан. Их положение в обществе определялось уже не наследуемым статусом и государственными заслугами, а количеством подконтрольного им капитала.

Человечество вступило в новую эпоху, ритм которой стал определяться не бесконечным повторением сезонных циклов жизнедеятельности сельскохозяйственной общины, одних и тех же ритуалов царской власти и рутинных процедур имперской государственности, а воспроизводством стремящегося к максимизации прибыли капитала. В этом стремлении он постоянно создавал новые производственные возможности, генерируя технический прогресс и изменяя социально-экономическую среду. Предпринимательский дух породил веру в прогресс – линейный процесс постоянного развития производительных сил общества и совершенствования его устройства, – которая заменила в сознании властвующей элиты прежнюю убежденность в неизменности циклов воспроизводства одних и тех же технологий и институтов. Однако, хотя научно-технический прогресс постепенно становился главным фактором социально-экономического развития, оно не приобрело линейную форму поступательного развития производительных сил и постоянного совершенствования производственных отношений. В расколотом на враждующие между собой социальные группы и антагонистические классы обществе возникли свои механизмы разрешения противоречий между обществом и властвующей

Окончание. Начало в №11 за 2019 год.

элитой, периодически принимающие формы мировых войн и социальных революций.

4.1. Вековые циклы накопления капитала

В историческом исследовании Арриги⁴⁴ приводится периодизация развития капитализма как последовательности системных циклов накопления капитала. По наименованию стран, лидировавших в ходе соответствующего цикла и задававших образец организации воспроизводства капитала, он выделяет Испано-Генуэзский, Голландский, Английский и Американский циклы, каждый из которых занимал около столетия. В этом исследовании не раскрывается механизм расширенного воспроизводства капитала в каждом вековом цикле его накопления. Автор ограничивается детальным описанием исторических обстоятельств развёртывания каждого из выделенных им циклов и перехода от одного цикла к другому, сопровождавшегося сменой мировых лидеров и происходившего через мировые войны.

Предположим, что основу каждого из этих циклов составляет соответствующий мирохозяйственный уклад – целостная система взаимосвязанных институтов и сложившихся социально-экономических, валютно-финансовых, военно-политических отношений, обеспечивающих расширенное воспроизводство капитала, а также национальных и мировой экономик в соответствующем вековом цикле накопления⁴⁵. Формируясь изначально на уровне национальной экономики, институциональные системы соответствующего мирохозяйственного уклада достраиваются на уровне региональной интеграции и мирохозяйственных отношений. Особое значение имеют институты страны-лидера, которые оказывают доминирующее влияние на международные нормы, регулирующие мировой рынок и международные торгово-экономические и финансовые отношения. Посредством этого влияния страна-лидер обустроивает свою экономическую периферию, навязывая зависимым странам соответствующие её интересам институты. Отстающие страны, в свою очередь, пытаются копировать институты страны-лидера, способствуя, таким образом, распространению соответствующего мирохозяйственного уклада.

Каждый мирохозяйственный уклад имеет свой жизненный цикл, пределы которого определяются накоплением внутренних противоречий в рамках воспроизводства составляющих его институтов. Этот процесс охватывает всю мировую экономику, в которой глобальный центр эксплуатирует зависимую от него периферию до тех пор, пока ему удастся обеспечивать поступательное развитие производительных сил, плодами которого пользуется властвующая элита как доминирующих, так и зависимых стран. В силу объективных законов убывающей производительности любой технологической системы, а также ограниченных возможностей совершенствования любой системы управления, расширенное воспроизводство каждого мирохозяйственного уклада имеет свои пределы.

Развёртывание противоречий между заинтересованной в сохранении своей глобальной гегемонии властвующей элитой передовых стран и эксплуатируемой ею международной периферией происходит до момента дестабилизации системы международных экономических и политических отношений, разрешавшихся до сих пор мировыми войнами. Последние организовывались и провозглашались теряющей доминирующие позиции страной-лидером устаревающего мирохозяйственного уклада с целью укрепления контроля над периферией мировой экономики для усиления своих конкурентных преимуществ и ослабления позиций возможных конкурентов. Из числа последних, однако, всегда появлялся новый лидер – носитель более прогрессивной системы институтов и производственных отношений, который до последнего момента уклонялся от участия в войне, чтобы вступить в неё на завершающем этапе в стане победителей и захватить глобальное лидерство. Одновременно со сменой мирового лидера расширяются институты нового мирохозяйственного уклада, обеспечивающие удержание имеющихся материально-технических достижений и создающие новые возможности для развития производительных сил общества.

Система институтов нового мирохозяйственного уклада не может выжить в стране-лидере предыдущего мирохозяйственного уклада вследствие связанности её институтов экономическими интересами. Доминирующая

в мировой экономике национальная властвующая элита страны-лидера не заинтересована в переменах и последовательно отвергает попытки изменения мирохозяйственного уклада, воспроизводство которого вследствие этого приобретает инерционный характер. Поэтому становление институтов нового мирохозяйственного уклада происходит в стороне от страны-лидера, на одном из защищённых от прямого принуждения сегментов её периферии. Одновременно со сменой мирового лидера расширяются институты нового мирохозяйственного уклада, которые обеспечивают удержание имеющихся материально-технических достижений и создают новые возможности для развития производительных сил общества.

Гипотеза о периодической смене мирохозяйственных укладов как целостных институциональных систем, обеспечивающих воспроизводство экономики, объясняет прерывистый характер долгосрочной экономической и политической эволюции. Согласно этой гипотезе, смена мирохозяйственных укладов происходит дискретным образом вследствие неспособности доминирующих стран изменить институты, исчерпавшие возможности обеспечения устойчивого экономического роста. Формирование нового мирохозяйственного уклада происходило на принципиально новых идеологических и организационных основаниях. *Этот переход сопровождался сменой лидеров и центров развития мировой экономики – доминирование переходило к странам, ранее других сформировавшим новую, более эффективную институциональную систему воспроизводства экономики.*

Разумеется, предложенная типология международных торгово-экономических отношений весьма условна и отражает лишь поверхностный “срез” производственных отношений и институтов, определяющих воспроизводство доминирующей в мире экономической системы. Мирохозяйственные уклады отличаются не только по типу организации международной торговли, но и по системе производственных отношений и институтов, которые позволяют лидирующим странам добиваться глобального превосходства и детерминировать тем самым режим международных торгово-экономических отношений.

Использование понятия “уклад” призвано отразить воспроизводящую целостность взаимосвязанных элементов: соединённых технологической кооперацией производств (технологический уклад) и объединённых институтами хозяйственных образований (мирохозяйственный уклад). Связанность элементов предопределяет синхронизацию их жизненных циклов, по меньшей мере, в фазе зрелости и упадка, а также прерывистый характер экономического развития, в котором периодически происходит одновременная смена большого количества элементов, приобретающая скачкообразный характер технологических (при смене технологических укладов) и политических (при смене мирохозяйственных укладов) революций.

В данной трактовке технологические революции отражают качественные изменения в составе производительных сил, а политические – в содержании производственных отношений. Они необязательно должны совпадать, хотя их взаимовлияние и принцип соотvetствия представляются очевидными. Однако инерционность производственных отношений существенно выше, чем технологических связей производительных сил, вследствие чего жизненный цикл мирохозяйственного уклада намного длиннее технологического. Вслед за Айвазовым, мы предполагаем, что в один жизненный цикл мирохозяйственного уклада вписываются два технологических⁴⁶.

Согласно авторскому определению, технологический уклад представляет собой совокупность технологически сопряжённых производств, связанных друг с другом однотипными технологическими “цепочками” и образующих воспроизводящую целостность⁴⁷. Технологический уклад формируется в рамках всей экономической системы, охватывая все стадии переработки ресурсов и соответствующий тип непроизводственного потребления, образуя макроэкономический воспроизводственный контур. Таким образом, каждый технологический уклад является самовоспроизводящейся целостностью, вследствие чего техническое развитие экономики не может происходить иначе, как путём последовательной смены технологических укладов. Жизненный цикл каждого образует содержание соответствующего этапа технико-экономического развития.

Формирование воспроизводственного контура нового технологического уклада – длительный процесс, имеющий два качественно разных этапа.

Первый этап – появление его ключевого фактора и “ядра” в условиях доминирования предшествующего технологического уклада, объективно ограничивающего становление производств своего преемника потребностями собственного расширенного воспроизводства. С исчерпанием экономических возможностей этого процесса наступает второй этап, начинающийся с замещения доминирующего технологического уклада новым и продолжающийся затем в виде очередной “длинной волны” экономической конъюнктуры. Период между завершением первого и началом второго этапа характеризуется экономической депрессией, в ходе которой происходит структурная перестройка экономики. В этот период оставшийся после обесценения в устаревших производствах капитал, трудовые и другие ресурсы перетекают в технологические совокупности нового технологического уклада. По мере формирования его воспроизводственного контура начинается новая “длинная волна” экономического роста.

Достоверность существования технологических укладов и представления эволюции экономики как последовательного процесса смены их жизненных циклов доказывается эмпирическими исследованиями динамики соответствующих показателей технико-экономического развития. В результате проведения измерений технологических сдвигов, связанных с ростом различных технологических укладов, удалось показать, что жизненный цикл технологического уклада охватывает более полувека с двумя явно выраженными “всплесками” в его показателях и обуславливает содержание соответствующего этапа технико-экономического развития⁴⁸.

Форма жизненного цикла технологического уклада определяется хорошо известной в теории НТП ограниченностью жизненного цикла любой технологии, который описывается логистической кривой, проходящей фазы вызревания, бурного роста, зрелости и упадка. При достижении предпоследней фазы жизненного цикла инвестиции в развитие технологии приносят убывающую отдачу, переходящую в отрицательную одновременно с началом фазы упадка. В силу технологической сопряженности составляющих технологический уклад производств их развитие синхронизируется, вследствие чего форма жизненного цикла технологического уклада приобретает аналогичную форму логистической кривой, растянутой почти на столетие.

В силу охарактеризованных выше закономерностей технико-экономического развития и воспроизводства общественного капитала жизненный цикл технологического уклада на поверхности экономических явлений отражается в форме “длинной волны” экономической конъюнктуры с фазами, соответствующими этапам этого цикла. Фаза депрессии соответствует этапу зарождения соответствующего технологического уклада, фаза оживления – этапу его становления, фаза подъёма “длинной волны” – этапу его роста, фаза рецессии – этапу его зрелости, характеризующему исчерпанием возможностей дальнейшего экономического роста, продолжение которого становится возможным с переходом к новому технологическому укладу.

Закономерности периодической смены технологических укладов позволяют объяснить неравномерность и неравновесность процесса развития экономики, обусловленную динамикой соответствующих технологических изменений. Новый технологический уклад зарождается, когда в экономической структуре ещё доминирует предшествующий, и его развитие сдерживается неблагоприятной технологической и социально-экономической средой. Лишь с достижением доминирующим технологическим укладом пределов роста и падением прибыльности составляющих его производств начинается массовое перераспределение ресурсов в технологические “цепи” нового технологического уклада.

Открытие закономерности периодической смены технологических укладов подтверждается периодически происходящими технологическими революциями, в ходе которых наблюдаются резкий рост инновационной активности, быстрое повышение эффективности производства, социально-экономическое признание новых технологических возможностей, изменение ценовых пропорций в соответствии со свойствами новой технологической системы. Технологическая революция сопровождается массовым обесценением капитала, задействованного в производствах устаревшего технологического уклада, их сокращением, ухудшением экономической конъюнктуры, углублением внешнеторговых противоречий, обострением социальной и политической

напряжённости. На поверхности экономических явлений этот период выглядит как глубокая депрессия, сопровождающаяся ухудшением макроэкономических индикаторов, — падением или снижением темпов роста ВВП и промышленного производства, увеличением уровня безработицы. Высвобождающийся из устаревших и ставших убыточными производств капитал не находит сразу себе приложения в новых и зависает на некоторое время в сфере обращения, подпитывая финансовые “пузыри”. Как отмечает К. Перес⁴⁹, переход к фазе роста очередной “длинной волны” начинается после того, как оставшийся после обесценения в лопнувших финансовых “пузырях” капитал находит дорогу к инвестициям в принципиально новые технологии. Так начинается фаза роста нового технологического уклада.

По мнению А. Айвазова и В. Беликова, каждая технологическая революция порождает жизненный цикл двух спаренных технологических укладов, когда второй порождается первым. Из этой гипотезы следует, что технологические изменения, опосредующие этот процесс, несут менее радикальный характер, чем технологические революции, которые приводят к необходимости смены мирохозяйственных укладов. В действительности, однако, эта точка зрения представляется упрощённой. Например, переход от второго к третьему технологическому укладу происходил посредством электрификации экономики, которая оказала столь революционизирующее воздействие на организацию производства, что вождь мировой социалистической революции В. И. Ленин, обосновывая первый в мире стратегический план ГОЭЛРО, заявил, что “коммунизм есть Советская власть плюс электрификация всей страны”. Хотя созданные в ходе жизненного цикла второго технологического уклада паровые машины подготовили возникновение промышленной электрогенерации, последствия электрификации экономики носили явный характер полномасштабной технологической революции. С другой стороны, переход к четвёртому технологическому укладу, хоть и был опосредован Великой депрессией, вылившейся во Вторую мировую войну, в технологическом смысле был менее радикальным. Автомобилизация экономики была подготовлена организацией конвейерного производства благодаря электрификации машиностроения. А появление пятого технологического уклада нельзя считать продолжением четвёртого, поскольку изобретение интегральной схемы и микропроцессора породило совершенно новую технологическую траекторию.

Синхронизация двух жизненных циклов технологических укладов в одном цикле накопления капитала происходит скорее не по технологическим, а по управленческим и экономическим причинам. Формирование нового мирохозяйственного уклада происходит на основе нового технологического уклада по той причине, что новый глобальный лидер может вырваться вперёд только на восходящей фазе “длинной волны” Кондратьева. Только в эти моменты смены технологических укладов открываются возможности для отстающих стран в совершении рывка в экономическом развитии. Поэтому возникающему на периферии мировой экономики носителю более прогрессивной системы производственных отношений приходится ждать становления нового технологического уклада и накапливать капитал в его ключевых производствах, чтобы совершить рывок в период исчерпания возможностей воспроизводства существующего мирохозяйственного уклада на старой технологической основе.

Так происходит синхронизация начал новых технологического и мирохозяйственного укладов. Первая фаза жизненного цикла последнего — материальная экспансия — по содержанию совпадает с опережающим ростом производства на основе нового технологического уклада. При этом глобальный центр накопления капитала перемещается в страну, лидирующую одновременно в формировании нового мирохозяйственного и технологического укладов. Накапливаемый на “длинной волне” экономического роста капитал создаёт этой стране возможности для финансовой экспансии, которая имеет как географическое (инвестиции в другие страны с целью освоения возможностей периферии), так и технологическое (инвестиции в производства следующего технологического уклада) измерения. В силу высокой инерции сформировавшихся в глобальном центре накопления капитала институтов, финансовая экспансия порождает прогрессивные изменения не столько в ядре, сколько на периферии мировой экономической системы. Отстающие страны, импортируя из глобального центра накопления капитала одновременно инвестиции

и новые технологии, вырываются вперёд, совершая *экономическое чудо*. Ко времени исчерпания возможностей роста очередного технологического уклада они накапливают необходимые технологические, производственные и финансовые ресурсы, чтобы вступить в схватку за глобальное лидерство, опираясь на созданную у них более прогрессивную систему производственных отношений, формирующих новый мирохозяйственный уклад. Старый лидер оказывается поверженным вследствие падения эффективности системы управления, сформировавшейся в начале жизненного цикла устаревшего мирохозяйственного уклада.

Так происходит “переток” капитала от центра мировой экономической системы в те периферийные страны, которые сумели оседлать волну роста нового технологического уклада в рамках сложившегося мирохозяйственного уклада. Завершение их жизненных циклов синхронизируется в силу одновременного наращивания конкурентных преимуществ, успешно развивающихся на волне роста нового технологического уклада периферийных стран и падения эффективности воспроизводства капитала в глобальном центре его накопления. Он накапливается в финансовых “пузырях”, вместо того, чтобы вкладываться в производства очередного нового технологического уклада. Наряду с характерным для смены технологических укладов “технологическим патом”⁵⁰, в ядре глобального накопления капитала наступает “инвестиционный пат”, когда инвестиции не идут в новые технологии из-за ориентации институтов старого МХУ на финансовые спекуляции в результате его финансовой экспансии. Новая технологическая революция открывает дорогу новым лидерам – носителям более передовой системы управления и институтов нового мирохозяйственного уклада, которые втягивают в себя оставшийся после обесценения в лопнувших финансовых “пузырях” капитал.

Происходящее в настоящее время наложение этих двух циклических процессов в фазе кризиса создаёт опасный резонанс, угрожающий разрушением всей системы мировых экономических и политических отношений. В такие периоды отмечается резкая дестабилизация системы международных отношений, разрушение старого и формирование нового миропорядка. Исчерпываются возможности социально-экономического развития на базе сложившейся системы институтов и технологий. Лидировавшие до этого страны сталкиваются с непреодолимыми трудностями в поддержании прежних темпов экономического роста. Перенакопление капитала в устаревающих производственно-технологических комплексах ввергает их экономику в депрессию, а сложившаяся система институтов затрудняет формирование новых технологических цепочек. Они вместе с новыми институтами организации производства пробивают себе дорогу в других странах, прорывающихся в лидеры экономического развития.

Прежние лидеры стремятся удержать доминирование на мировом рынке посредством усиления контроля над своей геоэкономической “периферией”, в том числе методами военно-политического принуждения. Как правило, это влечёт за собой крупные военные конфликты, в которых стареющий лидер растрачивает ресурсы, не добываясь должного эффекта. Находящийся к этому времени на волне подъёма потенциальный новый лидер старается занять выжидательную позицию, чтобы сохранить свои производительные силы и привлечь спасающиеся от войны умы, капиталы и сокровища сражающихся стран. Наращивая возможности, новый лидер выходит на мировую арену, когда воюющие противники достаточно ослабеют, чтобы присвоить себе плоды победы.

4.2. Ритм современного глобального экономического развития

Конфликты, характеризующие смену глобальных лидеров, определяют следующие поворотные события мировой истории. Переход от Генуэзско-испанского векового цикла накопления к Голландскому и замещение соответствующего ему торгового мирохозяйственного уклада, основанного на трансокеанской торговле дарами природы, укладом торгово-мануфактурным, базирующимся на торговле продуктами ремесленного производства, был опосредован перманентными войнами, начиная с Испано-Английского конфликта, закончившегося в 1588 году гибелью Великой Армады. Этим воспользовалась голландская буржуазия, чтобы освободиться от испанского контроля. Перестроив свою политическую систему в соответствии с потребностями уже сложившихся

институтов воспроизводства капитала, основанных на отношениях частной собственности свободных и организованных в цеха ремесленников, она выстроила самую высокоэффективную в то время экономику. Создав институт акционерного общества в форме Объединённой Ост-Индской компании, которая вскоре оказалась крупнейшей в мире торговой монополией, Амстердамский обменный банк и фондовую биржу⁵¹, Голландия обеспечила своему предпринимательскому сословию возможности для экспансии за счёт резкого расширения деловой активности. Голландия стала мировым лидером по использованию передовых для того времени технологий, что позволило ей захватить доминирующие позиции в строительстве парусного флота, сооружении водных каналов и производстве товаров массового потребления. Опираясь на свои конкурентные преимущества, Голландия создала глобальную торговую империю, соединив Европу с другими частями света регулярными торговыми маршрутами.

Частью этой системы становится и Россия. Пётр I возвращается из Голландии с технологиями строительства морских кораблей, гаваней, каналов, фортификационных сооружений и каменных зданий. С ним приезжают голландские инженеры и менеджеры. Пётр пытается импортировать из Голландии не только технологии, но и способы организации производства, образ жизни, символику и институты обращения капитала. Проблема, однако, заключается, в отсутствии последнего. На учреждённой Петром по аналогии с Амстердамской фондовой бирже нечего было продавать. В отличие от самоуправляющихся гражданским обществом голландских городов, в Российской империи усиливался гнёт имперской бюрократии и крепостного закабаления народа.

Внешне Петербург строится, как новая Голландия, но система управления основывается на ордынских порядках, которые стали ещё более прочными вопреки европейским тенденциям демократизации. В то время как в Российской империи усиливается абсолютная монархия, в Европе продолжают начатые Реформацией процессы демократизации и либерализации социально-экономического устройства, складывается Вестфальская политическая система, адекватная интересам национальных властвующих элит, защищаемых институтами государственного суверенитета и международного права. С начала XVIII века эта система обеспечивает стабильные политические условия воспроизводства национального капитала.

С точки зрения организации международной торговли этот мирохозяйственный уклад можно назвать торгово-монополистическим с целью отражения ведущей роли первой в мире транснациональной корпорации в организации международных торгово-экономических отношений того времени. Голландская Ост-Индская компания стала образцом для организации международной торговли, а впервые созданная в Голландии фондовая биржа и банк стали прототипом центральных институтов регулирования воспроизводства капитала во всех последующих мирохозяйственных укладах. Но их функции менялись так же, как и режимы международных торгово-экономических отношений. Если Голландская Ост-Индская компания была национальной, и чуть ли не каждая уважающая себя страна в XVII–XVIII создавала свою Ост-Индскую национальную компанию, которая обладала монопольным правом торговли с Ост-Индией, то при переходе к следующему мирохозяйственному укладу Британская Ост-Индская компания, сохраняя эту монополию, обладала своими собственными войсками и занималась не столько торговлей, сколько осуществляла колониальную экспансию. К середине XIX века именно на её основе была создана Британская колониальная система накопления капитала.

Из торгово-монополистического мирохозяйственного уклада вырастают колониальные империи европейских государств, национальный капитал которых подчиняет интересам своего воспроизводства целые регионы мира. В столкновениях между ними идёт процесс формирования нового мирохозяйственного уклада, завершившийся наполеоновскими войнами. Их результатом стало возникновение общеевропейского экономического и правового пространства, а также создание устойчивой политической системы, адекватной интересам властвующих элит. К этому времени освоенные в Голландии технологии получили распространение в других европейских странах. Маленькая Голландия не могла более удерживать лидерство на фоне быстро развивающихся европейских великих держав. Спасаясь от военно-политических угроз

на континенте, голландский капитал перемещался в тесно связанную с Голландией Англию, неся с собой передовые технологии, а также методы организации производства и торговли. Англия быстро развивала свой флот, строила каналы, расширяла мануфактурное производство. Под защитой монархии по образцу Ост-Голландской торговой компании были созданы английские – Ост-Индская, Вирджинская, Плимутская компании, ставшие крупнейшими торгово-промышленными корпорациями того времени.

“Скачок” в концентрации капитала создал условия для промышленной революции, начавшейся в Англии в конце XVIII века с создания ткацких фабрик на водной тяге. Становление фабричной системы оказалось возможным с широким применением института найма выпавших из общины, лишённых земельной и какой-либо другой собственности рабочих и развитием соответствующих производственных отношений между капиталом и трудом. Быстрое расширение машинного производства в сочетании с безграничными возможностями найма дешёвой рабочей силы позволило Англии совершить промышленную революцию и освоить механизмы производственно-технологической кооперации на основе машинных мануфактур, создать первый технологический уклад индустриального общества. Воспользовавшись ослаблением конкурентов в результате наполеоновских войн и опираясь на передовые для того времени технологии и институты организации международной торговли, Великобритания к середине XIX века завершила процесс колониальных завоеваний, обеспечив себе глобальное лидерство в системе мирохозяйственных связей.

Сформировавшаяся в Великобритании система институтов организации деловой, общественной и политической активности создала возможности концентрации капитала любого масштаба. Под протекцией английской короны Ост-Индская компания превратилась в гигантскую трансокеанскую монополию, успешно осваивавшую колоссальные ресурсы Индии, Китая и Америки. Ориентированная на объективное разрешение хозяйственных споров судебная система обеспечила быстрое развитие гражданского права и конкуренции, исходя из защиты интересов частного предпринимательства. Это создало благоприятные условия для накопления капитала, которое перешло на качественно более высокий уровень с широким распространением акционерных обществ. Развитие институтов частного, акционерного и государственного капитализма открыло дорогу для строительства крупных объектов инфраструктуры и создания промышленных предприятий. Разрушение сельских общин и разорение парцеллярных хозяйств влекло за собой обезземеливание крестьян, обеспечивая стройки и заводы дешёвой рабочей силой. Тем самым были созданы условия для промышленной революции, открывшей эпоху индустриализации экономики с характерной для неё закономерностью становления и смены технологических укладов.

Начиная с промышленной революции в Англии в мировом технико-экономическом развитии можно выделить периоды доминирования пяти последовательно сменявших друг друга технологических укладов, включая вступивший в настоящее время в фазу зрелости информационный технологический уклад.

Ключевым фактором *первого* технологического уклада, с формирования которого началась эпоха современного экономического роста и установился его ритм, явилась механизация текстильной промышленности. Базисными нововведениями этого уклада были станок челнок-самолёт Кэя (1733), прядильные машины Уатта (1735), Харгрива и Аркрайта, механические ткацкие станки Робертсона и Хоррокса (1760-е годы). Нововведения в сфере механизации текстильной промышленности дополнялись внедрением новых технологий обработки тканей (крашения, печатания тканей и т. п.). Механизация текстильной промышленности стимулировала развитие производства конструкционных материалов.

Однако рост их производства сдерживался отсутствием технологической базы для развития чёрной металлургии. Сдерживал её развитие и дефицит энергоресурсов, главным образом, древесного угля. Этот дефицит был преодолен замещением древесного угля каменным. Тогда же были внедрены нововведения в сфере металлообработки: сверлильные машины, токарные станки, машины для нарезывания винтов, чеканные машины и др. Однако массовое производство конструкционных материалов из чугуна стало возможным лишь с формированием ядра второго технологического уклада и расширением спроса на чёрные металлы со стороны его базисных отраслей.

Экономический подъём в период роста первого технологического уклада стимулировал развитие транспортной инфраструктуры – улучшение сухопутных дорог и создание сети водных каналов, бурное развитие торгового флота. Удешевление перевозок грузов стало важным фактором формирования национальных рынков и послужило мощным стимулом расширения промышленного производства.

Насыщение спроса на продукцию текстильной промышленности, последовавшее несмотря на быстрое снижение цен на готовые изделия и сырьё в начале XIX века, обусловило длительное ухудшение экономической конъюнктуры и стимулировало поиск новых направлений вложения капитала. К тому времени были созданы нововведения, ставшие основой второго технологического уклада. Ключевое место среди них занимает паровой двигатель, использование которого революционизировало промышленное производство и стало основой для развития тяжёлой промышленности. Замещение водяного колеса как основного двигателя паровой машиной создало возможности для концентрации производства и его существенного удешевления с ростом масштабов, а также сняло географические ограничения на размещение предприятий, что, в свою очередь, стимулировало начало процессов урбанизации.

Внедрение парового двигателя и быстрый технический прогресс в металлообработке создали условия для производства разнообразных машин и механизации труда во многих отраслях промышленности и в строительстве, стимулировали быстрый рост чёрной металлургии, угольной промышленности.

Быстрый прогресс в транспортном машиностроении, изобретение паровоза и парохода обеспечили возможности резкого расширения перевозки грузов на большие расстояния и поддержания большей ритмичности поставок, что создало возможности для концентрации производства и становления мирового рынка.

Наряду с замещением древесного угля каменным в качестве основного энергоносителя характерной чертой второго технологического уклада было крупномасштабное железнодорожное строительство, связанное с ростом спроса на транспортные услуги в перевозке крупнотоннажных грузов, процессами урбанизации, формированием национальных и международного рынков.

Широкая механизация труда и концентрация производства сопровождались ростом тяжёлого машиностроения и горнодобывающей промышленности, развитием металлургии и станкостроения, что, в свою очередь, создало предпосылки для становления базисных производств *третьего* технологического уклада. Их распространение стало возможным с падением эффективности производств *второго* в результате исчерпания возможностей совершенствования технологии и организации крупного производства с использованием парового двигателя и насыщения спроса населения, ограничивавшегося в то время ещё, главным образом, продуктами сельского хозяйства и лёгкой промышленности. Развитие производства машиностроительной продукции потребительского назначения стало возможным со становлением более гибких базисных технологий *третьего* технологического уклада, использовавших мобильные электродвигатели и опиравшихся на адекватную для городского образа жизни технологию энергопотребления в форме электрического тока.

Главной особенностью *третьего* технологического уклада было широкое использование электродвигателей и бурное развитие электротехники. Одновременно происходила специализация паровых двигателей, которые в основном стали использоваться в качестве парогенераторов в транспортных средствах и в производстве электроэнергии. Строительство линий электропередачи обеспечило внедрение адекватной технологии энергопотребления в городах, что способствовало дальнейшей урбанизации размещения населения и производства. Широкое распространение получило электрическое освещение на основе лампы Эдисона.

Электротехнология революционизировала ряд отраслей промышленности, обеспечив дальнейший рост механизации производства и производительности труда. В частности, были внедрены гальванотехнические процессы рафинирования меди и добыча электролитическим путём кислорода и водорода. Возник ряд электрометаллургических и электрохимических производств. Получила распространение электросварка.

С замещением парового двигателя электрическим радикально изменилась организация труда на машиностроительных предприятиях. Машины, ранее

соединённые громоздкой системой передач с паросиловой установкой в жёсткую технологическую линию, получили автономные электродвигатели и стали более мобильными и гибкими. Это существенно повысило разнообразие комбинаций машин и технологических возможностей, гибкость производства и позволило расширить ассортимент выпускаемой продукции. Стало возможным внедрение технологий массового поточного производства, с увеличением масштабов которого происходило быстрое снижение издержек.

Рост разнообразия и расширение машиностроительного производства стимулировали дальнейший прогресс в чёрной металлургии, являвшейся главным поставщиком конструкционных материалов в промышленность. Фактически в ходе жизненного цикла *третьего* технологического уклада произошёл переход к новым способам получения металлов: были внедрены доменная и мартеновская технологии, технологии проката стали, обеспечившие массовое производство дешёвой стали, ставшей основным конструкционным материалом.

Быстрый рост производства продукции машиностроения и чёрной металлургии стимулировали техническое перевооружение и рост добывающей промышленности, основой которого также стал электродвигатель. С его использованием было создано мобильное и высокопроизводительное горнодобывающее и транспортное оборудование, заместившее громоздкие машины с паровым двигателем.

Развитие технологий *третьего* технологического уклада обеспечило быстрый прогресс и расширение химической промышленности. В течение периода его доминирования были внедрены и получили широкое распространение базовые технологии неорганической химии: аммиачный процесс получения соды; получение серной кислоты контактным способом; получение азотной кислоты контактным окислением аммиака и непосредственной фиксацией азота атмосферы, производство минеральных удобрений; коксохимическое производство; нефтехимическое производство; производство синтетических красителей; производство взрывчатых веществ; электрохимическая технология. Таким образом, были созданы предпосылки для становления *четвёртого* технологического уклада, в структуре которого химическая промышленность заняла ключевое положение.

Среди важнейших предпосылок становления *четвёртого* технологического уклада, сформировавшихся в период доминирования *третьего*, следует также указать развитие автодорожной транспортной инфраструктуры, сетей телефонной связи, освоение технологии и создание инфраструктуры нефтедобычи, технический прогресс и расширение производств в цветной металлургии. Ещё в период доминирования *третьего* уклада был внедрён двигатель внутреннего сгорания, произошло становление автомобилестроительной отрасли промышленности и освоение первых образцов гусеничной техники, сформировавших впоследствии ядро нового технологического уклада.

Механизация производства, рост квалификации занятых в нём, расширение потребления прогрессивных энергоносителей и увеличение общего потребления энергии, создание новых систем массовых коммуникаций и новой транспортной инфраструктуры, насыщение потребительских рынков традиционными товарами создали в начале 1930-х годов в развитых капиталистических странах условия для расширения технологических совокупностей *четвёртого* технологического уклада. Технологические совокупности *третьего* технологического уклада продолжали воспроизводиться вплоть до середины 60-х годов XX века, но основным двигателем ТЭР с середины 1930-х годов стали производства нового технологического уклада, который занял доминирующее положение в послевоенные годы.

В числе отраслей, входивших в «ядро» *четвёртого* технологического уклада, были химическая промышленность (прежде всего, промышленность органического синтеза и связанное с ней производство синтетических смол и пластмасс), автомобиле- и тракторостроение, производство моторизованных вооружений. Для этого этапа характерны комплексная механизация производства, автоматизация многих основных технологических процессов, широкое использование квалифицированной рабочей силы, рост специализации производства.

В течение жизненного цикла *четвёртого* технологического уклада продолжалось опережающее развитие электроэнергетики. Основным энергоносителем

стала нефть, видом наземного транспорта – автомобильный. Была создана глобальная система телекоммуникаций на основе телефонной и радиосвязи. Население освоило новый тип потребления, отличающийся массовым потреблением товаров длительного пользования, синтетических товаров, резким расширением предметных потребностей человека. В быту стали использоваться различные электрические приборы: холодильники, радиоприемники, электрофоны, телефоны, хозяйственные электротовары. Расширилась сфера потребления электроэнергии на бытовые нужды.

К середине 70-х годов XX века *четвёртый* технологический уклад достиг в развитых странах пределов своего расширения. Произошло удовлетворение спроса населения на предметы длительного пользования, товары массового потребления; во многих регионах с высокой концентрацией производств *четвёртого* технологического уклада исчерпан ассимиляционный потенциал окружающей среды; базовые технологии данного уклада приблизились к пределам своего совершенствования. Всё это привело к падению эффективности производств *четвёртого* технологического уклада, ещё более упавшей вследствие изменения структуры экономических оценок в середине 1970-х годов. С этого времени основным носителем экономического роста становятся производства *пятого* технологического уклада, доминировавшего в экономике развитых стран с середины 80-х годов вплоть до мирового финансового кризиса 2008 года.

Пятый технологический уклад может быть определён как уклад информационных и коммуникационных технологий. Микроэлектроника стала ключевым фактором развернувшейся в середине 70-х годов прошлого века научно-технической революции. Широкое распространение микроэлектронных устройств обусловило радикальные изменения в структуре общественного производства и повышение его экономической эффективности. Другим ключевым фактором стало программное обеспечение. Вместе с микроэлектронными технологиями оно определяет основные параметры траектории современного технико-экономического развития.

В “ядро” *пятого* технологического уклада вошли технологические совокупности по производству электронных компонент и устройств, электронно-вычислительной техники, телекоммуникационного оборудования, лазерного оборудования, услуг по обслуживанию вычислительной техники. Генерирование технологических изменений происходило внутри указанного комплекса технологических совокупностей и опосредовано сильными нелинейными обратными связями между ними.

Распространение *пятого* технологического уклада определилось диффузией новых технологических принципов в экономике, опосредованной несущими отраслями. Среди основных несущих отраслей *пятого* технологического уклада следует указать производство средств автоматизации и телекоммуникационного оборудования. Последнее необходимо для создания информационной инфраструктуры, которая является необходимой предпосылкой распространения производства нового технологического уклада. В свою очередь, средства автоматизации обеспечивают перевооружение обрабатывающей промышленности в соответствии с новыми технологическими принципами.

Большинство нововведений, связанных с новым технологическим укладом, внедряются, как правило, ещё в фазе доминирования предшествующего. По некоторым оценкам около 80% основных нововведений *пятого* технологического уклада были внедрены ещё до 1984 года, когда он вошёл в фазу роста. В качестве начальной точки жизненного цикла информационного технологического уклада можно назвать 1947 год – год освоения производства первого транзистора. С появлением первой ЭВМ (1949), операционной системы (1954), кремниевого транзистора (1954) сформировалось “ядро” нового технологического уклада и началось его созревание в эмбриональной фазе. Одновременно с развитием полупроводниковой промышленности происходил быстрый прогресс в области программного обеспечения. К концу 1950-х годов появилось семейство первых программных языков высокого уровня. Они открыли новые возможности обработки данных (главным образом, в государственном секторе экономики).

Следующий этап в становлении информационного технологического уклада связан с появлением коммерчески эффективных ЭВМ (в частности, серии IBM-360 в 1965 году). Эти нововведения открыли возможности для диффузии

нового технологического уклада на разнообразных рынках. Но эта диффузия была по-прежнему ограничена. ЭВМ использовались для автоматизации обычных процедур обработки данных в информационно интенсивных секторах экономики (банковское дело, наука, армия).

Начиная с появления транзистора, а затем интегральных схем, технический прогресс в полупроводниковой промышленности принял кумулятивный характер – сложилась технологическая траектория развития соответствующей технологической совокупности. Её основные характеристики: скорость обработки информации, миниатюризация, надёжность, стоимость единицы полезного эффекта (обработки единицы информации). С улучшением этих характеристик новые технологии получали коммерческую реализацию, постепенно завоевывая всё новые и новые рынки. Одновременно в жёсткой конкурентной борьбе фирм – производителей электронных компонентов происходил отбор технических альтернатив и формировался олигополистический рынок полупроводниковой продукции. Развитие технологических траекторий формирования пятого технологического уклада приняло характер устойчивого кумулятивного процесса, подготавливающего его роды по мере упадка предыдущего технологического уклада.

Прорыв был осуществлён с внедрением микропроцессора (1971). Это новшество (которое, в свою очередь, было подготовлено серией предшествующих нововведений в производстве интегральных схем) открыло новые возможности для быстрого прогресса по всем направлениям технологической траектории нового технологического уклада. Совершенствование базисных технологий данного технологического уклада приняло форму устойчивого, кумулятивного технического прогресса – траектория эволюции нового технологического уклада установилась, и с середины 80-х годов он вошёл в фазу роста своего жизненного цикла⁵², которая продолжалась вплоть до мирового финансового кризиса в 2008 году.

Быстрое развитие базисных технологий и повышение эффективности по всем параметрам траектории движения нового технологического уклада индуцировало соответствующие технологические сдвиги во всех базисных технологических совокупностях и открыло широкие возможности для внедрения технических принципов нового технологического уклада в экономику. Изобретение микрокомпьютера и связанный с этим быстрый прогресс в программном обеспечении сделали информационную технологию удобной, дешёвой и доступной как для производственного, так и для непроизводственного потребления. В середине 1980-х годов широкие возможности по использованию информационных технологий в различных сферах социальной и промышленной деятельности стали очевидными. Базисные технологические совокупности пятого технологического уклада сформировались. Дальнейшая диффузия нового технологического уклада, в основном, стала определяться спросом со стороны различных хозяйствующих субъектов в разнообразных сферах потребления.

Смена ТУ сопровождается и сменой систем управления, институтов. Если *первый* ТУ возник ещё в среде традиционных экономических отношений, то *второй* ТУ требовал уже большей квалификации людей, умения обращаться с машинами, требовал техники безопасности на рабочем месте, сопровождался появлением наёмного труда, который стал самоорганизовываться в виде профсоюзов. *Третий* ТУ, который связан с формированием больших систем инфраструктурного обеспечения, потребовал возникновения соответствующих систем государственного регулирования. Государство брало на себя во многом затраты на формирование энергетической инфраструктуры. *Четвёртый* ТУ сопровождался формированием институтов социального государства. Это связано с тем, что в ходе его жизненного цикла возрастает роль науки и образования. Впервые в 60-х годах прошлого века инвестиции в человека – в знания, образование, здравоохранение – начинают в общем объёме инвестиций превышать инвестиции в машины и оборудование, то есть воспроизводство человеческого капитала начинает требовать больше денег и больше усилий, чем машины и оборудование. Наконец, *пятый* ТУ, связанный с микроэлектронной революцией, сопровождается переходом в экономику знаний, когда требования к качеству образования, уровню подготовленности работника таковы, что в передовых отраслях требуются не просто люди с высшим образованием, но ещё и умеющие творчески подходить к делу. Экономика знаний ещё

в полной мере не сформировалась, но уже сейчас в передовых отраслях в структуре общих инвестиций большую долю занимают инвестиции в НИОКР.

В значительной степени меняются и режимы экономического регулирования. В первом ТУ государство фактически собирало бизнес под своим крылом, делалось это в монархических государствах путём формирования квазигосударственных компаний, образцом которых является английская Вест-Индская компания. Вторым ТУ, который резко расширил масштабы производства и повлёк за собой появление первых крупных корпораций, сопровождался максимальной степенью эксплуатации труда, включая рабский труд, использовался и детский труд. Социальное государство появляется в ходе жизненного цикла третьего ТУ и начинает доминировать с появлением четвёртого ТУ. Если в первом и втором ТУ доля государства в структуре использования ВВП не превышала 10% и государство занималось, в основном, полицейскими функциями, то с четвёртого ТУ доля государства достигает 30–40, а теперь уже 50%, потому что государство вынуждено огромные деньги тратить на воспроизводство человеческого капитала.

Меняется система экономических институтов. То, что мы видим сегодня, – система транснациональных корпораций, альянсы, международная интеграция – это продукт международного разделения труда четвёртого и пятого ТУ, хотя первые крупные транснациональные корпорации возникают уже в третьем ТУ. Сейчас мы переходим к интегрированным структурам, где наука, производство и государство переплетаются и крупные производственно-технологические системы охватывают множество стран.

Меняются системы управления инновациями. Увеличивается значение инновационной деятельности. НИИ формируются с началом второго ТУ, в третьем ТУ появляются научные лаборатории внутри предприятий, появляется фирменная (отраслевая) наука. В четвёртом ТУ возникает наука как специализированный вид деятельности, она становится неотъемлемой частью научно-производственного цикла. Сейчас мы переходим к непрерывному инновационному процессу, который сопровождает весь жизненный цикл изделия, становится возможным проектирование всего производственного цикла – от первичного освоения (технико-внедренческих мероприятий) нововведения и его обкатки до его усовершенствования по мере выявления “детских болезней” и возникновения “вспомогательных” инноваций в смежных отраслях.

Существенные изменения претерпит культура управления. Дальнейшее развитие получают системы автоматизированного проектирования, которые вместе с технологиями маркетинга и технологического прогнозирования позволяют перейти к автоматизированному управлению всем жизненным циклом продукции на основе так называемых CALS-технологий, которые становятся доминирующей культурой управления развитием производства. CALS (от англ. *Continuous Acquisition and Life-Cycle Support*) – принятая в большинстве промышленно развитых стран технология (концепция, парадигма) использования единого информационного пространства (интегрированной информационной среды) на основе международных стандартов для единообразного информационного взаимодействия всех участников жизненного цикла продукции: разработчиков, заказчиков (включая государственных) и поставщиков продукции, эксплуатационного и ремонтного персонала.

Наряду с ростом ассигнований на поддержку инновационной активности усложняется процесс управления и возрастает роль государства в координации этой деятельности. При этом особое значение приобретают методы косвенного стимулирования инновационной активности – налоговые льготы, госзакупки, формирование инновационной инфраструктуры⁵³.

Как следует из изложенного выше, современный ритм долгосрочного технико-экономического развития как процесса становления и смены технологических укладов формируется после промышленной революции, начавшейся в Англии в конце XVIII века. Это период колониального мирохозяйственного уклада, который можно считать эпохой классического капитализма. В основе характерных для неё производственных отношений лежит институт частного семейного предприятия, стремящегося к максимизации прибыли на основе расширения и совершенствования производства товаров. Господство частного капитала закрепились в политических институтах партийной демократии с ограниченным избирательным правом, которое гарантировало крупному капиталу благоприятные и стабильные условия расширенного воспроизводства.

Технологическое лидерство обеспечивало высокую конкурентоспособность английской экономики, воспроизводящейся в рамках самого большого в мире рынка свободно обращающихся товаров.

Весь мир был разделён между европейскими колониальными империями, в рамках каждой из которых создавалась своя система воспроизводства капитала, защищённая институтами метрополии. На этом основании данный мирохозяйственный уклад назван нами колониальным. Каждая из европейских империй пыталась создать привилегированные условия воспроизводства для своих капиталистов, конкурируя с другими за территории и коммуникации. Созданные в ходе предыдущего мирохозяйственного уклада институты накопления капитала были умножены на мощь государственного протекционизма глобальных колониальных империй. Сами эти империи были настроены на глобальную экспансию в целях максимизации пространства для расширенного воспроизводства капитала метрополии.

Как указывает В. Никонов, «апогей Британии пришёлся на период между 1845–1870-ми годами, когда она производила более 30% мирового ВВП и 2/5 промышленного производства». В течение XIX столетия площадь и население Британской империи увеличились на порядок, достигнув 11 млн кв. миль и 390 миллионов человек соответственно⁵⁴. Заметим, что большинство из них было лишено гражданских прав и не обременено собственностью.

Надо сказать, что Британская и другие европейские колониальные империи существенно отличались от ордынского типа. Если он основывался на традиционных представлениях о божественном устройстве мира с раз и навсегда заданной иерархией социальных отношений, то экспансией европейских империй двигала жажда наживы их властвующих элит за счёт присвоения национальных богатств и человеческих ресурсов колоний. Так, англичане превратили значительную часть своих подданных в живой товар, организовав торговлю людьми в невиданных ранее масштабах. Десятки миллионов людей были лишены собственности, обращены в рабов, перемещены с мест проживания на плантации Нового Света. Да и в самой Англии положение рабочего класса мало чем отличалось от рабского – «освобождённые» от земельной собственности вчерашние крестьяне вынуждены были продавать свой труд за бесценок, подвергаясь беспощадной эксплуатации. С развитием рынка труда противостояние между капиталистами и лишённым собственности пролетариатом стало приобретать глобальный характер.

Отчуждение рабочего населения от собственности и от продуктов своего труда дало основание К. Марксу для построения теории прибавочной стоимости, интерпретирующей доходы от собственности как результат эксплуатации наёмного труда⁵⁵. Из этой теории следовал вывод о внутренних пределах развития капитализма, уничтожающего базу собственного воспроизводства посредством тенденции к снижению нормы прибыли и усугубления противоречия между общественным характером производства и частнособственническим способом присвоения его результатов.

Во времена Маркса ещё не были очевидны возможности НТП, так же как и значение человеческого фактора в его обеспечении. Он интерпретировал техническое развитие сквозь призму повышения органического строения капитала, из чего выводил упомянутую тенденцию к снижению нормы прибыли. Эта тенденция действительно имеет место в рамках жизненного цикла одного технологического уклада вследствие постепенного исчерпания возможностей совершенствования составляющих его производств. К. Маркс писал «Капитал» в период зрелости и упадка *второго* технологического уклада с характерной для него концентрацией производства вокруг циклопических паровых двигателей и связанных с ними машин, обслуживаемых низкоквалифицированной рабочей силой. Исчерпание возможностей развития производительных сил, ограниченных данным технологическим укладом, было преодолено с переходом к *третьему* технологическому укладу, основанному на электрификации экономики, которая открыла новые возможности повышения эффективности производства и развития производительных сил. В их составе резко повысилось значение квалификации и образования работников, что требовало появления институтов социального государства и существенного изменения производственных отношений. Сложившийся в Англии и в материковой Европе мирохозяйственный уклад с жёсткой системой институтов, ориентированных на защиту привилегий правящего класса, в том числе права частных

собственников на безграничную эксплуатацию рабочей силы, стал сдерживать развитие производительных сил.

Политическим выражением обострившегося в тот период противоречия между развитием производительных сил и производственных отношений стало коммунистическое движение, интерпретировавшее обозначившиеся пределы развития доминировавших в тот период технологического и мирохозяйственного укладов как конец капитализма. Однако по своей идеологии оно было продолжением ранее сформировавшейся тенденции отчуждения людей от результатов своего труда. Коммунисты предлагали её распространить на всю собственность, осуществив “экспроприацию экспроприаторов” и разрешив это противоречие путём окончательной ликвидации частной собственности на средства производства и их обобществления. Они объявили классовую войну капиталистам, которая стала зеркальным отражением угнетения пролетариата. Тем самым, они оставались в рамках характерного для того мирохозяйственного уклада разделения людей на полноценных и ущербных, проявившегося до этого в расизме и дискриминации по имущественному положению. Практическая реализация этой идеологии в СССР сопровождалась лишением гражданских прав и собственности, а также физическим истреблением значительной части населения, выделяемой по имущественному и социальному положению с обратным знаком.

Хорошо известно, что у захвативших власть в России большевиков не было плана ни по государственному устройству, ни по организации общественного производства. Руководствуясь марксистскими идеями о ликвидации частной собственности как основы эксплуатации трудящихся, большевики, по сути, реставрировали ордынское государственное устройство. Всеобщая национализация имущества с превращением всего населения в государственных служащих и прикрепленных к заводам и земле рабочих и крестьян наряду с правящей партией и её вождём, а также обожещаемыми классиками научного коммунизма парадоксальным образом напоминает традиционные империи прошлого, пренебрежительно отнесённые Марксом к азиатскому способу производства.

Социалистическая индустриализация и коллективизация сопровождалась принудительным прикреплением людей к государственным средствам производства, что дало основание ряду наблюдателей для обозначения этих производственных отношений как государственного капитализма. Однако, в отличие от капитализма, целью производства в СССР стала не максимизация прибыли, а развитие производительных сил ради коммунистического строительства. Категория прибыли вообще потеряла смысл, а деньги превратились не более чем в один из инструментов директивного планирования. Советские коммунисты действительно упразднили капитализм, однако не смогли выйти за пределы основанных на принуждении производственных отношений того мирохозяйственного уклада вплоть до Второй мировой войны.

Выше этот мирохозяйственный уклад был назван колониальным по классификационному принципу принудительного раздела мира между европейскими колониальными империями. Колониальным он был потому, что суть данной системы отношений – накопление капитала, и оно происходило в рамках отдельных колониальных империй от колоний к метрополиям. Источником накопления капитала было ограбление колоний.

По типу производственных отношений его можно было бы обозначить как рабовладельческий, если бы это понятие не укоренилось в марксистской теории исторического материализма как определение соответствующей социально-экономической формации времён Древнего Рима. Хотя масштаб применения рабского труда того времени не идёт ни в какое сравнение с торговлей людьми и эксплуатацией рабов в глобальном масштабе в период Британского цикла накопления капитала. Если принять марксистскую трактовку производственных отношений и адекватно оценить степень унижения и эксплуатации рабочего класса в европейских метрополиях, то можно уверенно определить этот мирохозяйственный уклад как классический капитализм. В дальнейшем, после отмены рабства, развития демократических институтов и появления социального законодательства канули в Лету и разделяющие человечество расистские, нацистские и классовые идеологии.

С конца XIX века, по мере становления *третьего* технологического уклада, глобальное лидерство Великобритании стало размываться. Её быстро догоняла

Российская империя, не уступающая Великобритании по военной мощи и глобальному политическому влиянию. Она сохраняла традиционные институты абсолютной монархии и государственной религии, обеспечивающие политическую стабильность в условиях бурного развития промышленности, быстрого повышения образовательного уровня и социальной активности населения.

Отмена крепостного права и другие реформы Александра II упразднили ряд феодальных институтов, сдерживавших развитие рыночных отношений, и открыли возможности для быстрого роста промышленного производства на основе производственных отношений данного мирохозяйственного уклада. В конце XIX – начале XX века Россия перешла с траектории догоняющего развития в режим опережающего роста. Хотя российская экономика отставала от мировых лидеров на один технологический уклад и овладевала производствами *второго* ТУ, когда передовые страны овладели уже *третьим*, в России одновременно закладывались основы и для его развития, а также предпосылки формирования следующего, *четвёртого* ТУ. Перед Первой мировой войной Россия вырвалась в лидеры не только по темпам экономического роста, но и по наращиванию электротехнической продукции, освоению нефтедобычи и химической промышленности, строительству автомобильных заводов и даже по авиастроению.

С 1860-го по 1870 годы уровень выпуска продукции текстильной и бумагопрядильной промышленности возрос в 2 раза. Наряду с расширением роста производств *первого* технологического уклада в России в это время началось быстрое становление технологических совокупностей *второго* технологического уклада (заметим, что в Англии *второй* технологический уклад формировался с 1820-го по 1840–1848 годы). Оно осуществлялось при активном государственном стимулировании инвестиций в развитие крупной промышленности на основе импорта технологий с широким привлечением иностранного капитала и оборудования. С 1860-го по 1876 годы производство чугуна возросло на 30%, железа – на 40%⁵⁶. С 1875-го по 1892 годы количество паровых двигателей в России увеличилось вдвое, мощность – втрое. Выплавка чугуна в 1880-е годы повысилась в 2,5 раза. Заметим, что эти темпы роста превышали темпы, достигнутые в соответствующий период в Англии.

Одновременно с Россией бурно развивалась объединённая Бисмарком Германия, становясь мировым лидером в машиностроении. Опираясь на свои институциональные особенности, эти страны вырывались вперёд как по техническому уровню, так и по масштабам концентрации капитала. Германия опиралась на предпринимательскую активность быстро обучающихся жителей городов, Россия – на гигантский природно-ресурсный и человеческий потенциал. Они успешно восприняли освоенные в Англии технологии и формы организации производства, придав им дополнительные глубины кооперации и масштаб производства. Великобритания ответила на этот вызов с европейской периферии развязыванием мировой войны, умело столкнув две поднимающихся сверхдержавы между собой.

Российско-Германский союз мог составить самую мощную в то время коалицию, способную стать доминирующей силой в мировой политике и удержать мир от войны, которая не была нужна этим странам, успешно развивавшимся на новой “длинной волне” экономического роста. Но война была нужна Великобритании, чтобы сохранить своё лидерство. Ей удалось разрушить российско-германский союз⁵⁷ и путём цепочки последовательных интриг с физическим устранением влиятельных противников войны втянуть две родственные монархии в самоубийственную конфронтацию без существенных объективных причин. Ни убийство наследника австрийского престола, ни угроза автономии Сербии, ни иррациональная тяга к освобождению от турок Константинополя и захвату проливов не могут расцениваться в качестве веской причины для мировой войны. Она стала результатом изощрённых интриг английской дипломатии, стремящейся сохранить мировое лидерство путём стравливания конкурентов.

Первая мировая война уничтожила главных соперников Англии в Старом Свете, что позволило ей удержать глобальные доминирующие позиции вплоть до середины XX века. К этому времени лидирующие позиции занимают Соединённые Штаты, институты которых изначально формировались, исходя из интересов крупного частного капитала. Избавленный от необходимости оплаты политической ренты в пользу монархии и аристократии, капитал получил

безграничные возможности для расширения. Приток активного населения из ведущих бесконечные колониальные войны европейских стран, задыхавшихся от аграрного перенаселения и военных расходов, обеспечивал американский капитал дешёвыми и квалифицированными трудовыми ресурсами.

Принципиальным отличием формирующейся в США после гражданской войны системы институтов было отрицание всех легальных оснований разделения общества на различающиеся по своим правам сословия, группы или классы. Все граждане юридически считались равными, хотя их положение в обществе определялось величиной личного капитала. Ничем не ограниченный дух предпринимательства и частной инициативы, перспективы безграничного расширения производства на основе свободной концентрации капитала предоставляли возможность инженерам и учёным создавать промышленные предприятия любых размеров и самых сложных для того времени технологий. США к концу позапрошлого столетия вышли на передовой уровень промышленного развития и одновременно с Великобританией приступили к формированию *третьего* технологического уклада на базе электротехнической промышленности.

В результате организованной английской дипломатией Первой мировой войны выиграли больше всех США. Как и Великобритания в эпоху наполеоновских войн, вступив в войну на завершающем этапе, США присвоили себе основные плоды победы. Они не только поучаствовали в новом разделе мира, но и приняли у себя сбежавшие от ужасов войны и последовавших за ней революций и гражданских войн в России, Германии и Австро-Венгрии умы, капиталы и сокровища. Переехавшие в США инженеры и учёные обеспечили американский капитал новейшими для того времени технологиями. США становились лидерами глобального технико-экономического развития. Они развернули крупномасштабное строительство энергетической, инженерной и транспортной инфраструктуры, соответствующей требованиям *третьего* технологического уклада, основанного на химико-металлургической промышленности, электрификации и электротехнике, дальнейшем развитии железнодорожного и судостроения.

Институциональная структура, ориентированная на концентрацию капитала и развитие крупного промышленного производства, обеспечивала американскому капиталу преимущества по отношению к европейским колониальным империям. “Переток” умов и технологий из них в США продолжался. Это способствовало опережающему развитию американской экономики. Формирующиеся в ней институты расширенного воспроизводства капитала на основе ничем не ограниченной частной собственности закладывали фундамент нового мирохозяйственного уклада, стержнем которого стали транснациональные корпорации. В 1913 году была создана Федеральная резервная система, обеспечивавшая американскому капиталу неограниченные возможности кредита для глобальной экспансии.

Создание ФРС проталкивалось американскими финансистами, тесно связанными с британским финансовым капиталом и, в первую очередь, с Ротшильдами, для установления контроля за американскими финансами. Но парадокс заключается в том, что именно создание ФРС помогло сплотить американский финансовый капитал, который вытеснил британский капитал из ФРС, а Великая депрессия позволила избавить ФРС от британского финансового контроля.

Чуть позже США на новую “волну” экономического роста встала Советская Россия. Построенный на руинах Российской империи СССР создал институты централизованного планирования и организации производства, позволившие концентрировать ресурсы в невиданных до той поры масштабах. Советская система директивного планирования преодолела ограничения частного накопления капитала, подчинив денежное обращение задачам роста производства в политически задаваемых целях. Тем самым снимались институциональные ограничения расширенного воспроизводства экономики, которое могло теперь вестись в глобальных масштабах. В ходе Великой депрессии институты централизованного планирования и организации производства доказали свои преимущества по сравнению с задыхающимися от недостатка спроса и перепроизводства товаров корпорациями капиталистического мира.

Советская система централизованного планирования имела общую с американской федеральной системой способность к безграничному финансовому

обеспечению глобальной экономической экспансии. Хотя оно осуществлялось на диаметрально противоположных отношениях собственности (в СССР — для финансирования народнохозяйственных планов госпредприятий, а в США — для рефинансирования частных корпораций), общей была принципиальная возможность безграничного расширенного воспроизводства в глобальных масштабах. Проявилась она в полной мере после Второй мировой войны, когда система расширенного воспроизводства капитала в США дополнилась обслуживающими её глобальную экспансию международными экономическими институтами (ВТО, МВФ, Всемирным банком), а созданная СССР мировая социалистическая система была подкреплена Советом экономической взаимопомощи с переводным рублём в качестве международной валюты. Данный мирохозяйственный уклад мы назвали Имперским, подчёркивая глобальный характер составляющих его институтов и механизмов расширенного воспроизводства.

В период Первой мировой войны этот мирохозяйственный уклад был в начальной фазе становления. Наряду с американской и советской моделью возникла германская модель Третьего рейха с национал-социалистической идеологией, представляющей собой доведённую до крайности характерную для колониального мирохозяйственного уклада дифференциацию людей на полноценных и рабов по этническому признаку. Может быть, поэтому германский нацизм был спокоен воспринят западноевропейскими державами, колониальные империи которых строились на расистской идеологии. Английский и американский капитал немало способствовал восстановлению и милитаризации экономики Германии.

В 30-е годы прошлого века СССР и Германия вновь совершили технологический рывок, догнавшие в Великой депрессии США и Великобританию. Чтобы их остановить, ангlosаксы прибегли к испытанному приёму столкновения поднимающихся с периферии лидеров между собой. При помощи американских корпораций и английской дипломатии гитлеровская Германия была подготовлена к войне. Пожертвовав своими союзниками — Польшей и Францией, — Великобритания толкнула фашистскую Германию против СССР. США повторили свой успех, войдя, как и в Первую мировую войну, в схватку на завершающем этапе и присвоив себе плоды победы в Западной Европе и на Тихом океане. Колониальные империи европейских стран развалились, и доминирование в капиталистическом мире перешло к американским корпорациям. Одновременно возник социалистический мир, демонстрировавший высокие темпы развития и стремительно догонявший США. Созданное ангlosаксонской дипломатией противостояние между двумя системами способствовало концентрации капитала в США. Они захватили технологическое лидерство в ходе формирования четвёртого технологического уклада, базировавшегося на двигателе внутреннего сгорания, органической химии, автомобильном строительстве. Это лидерство было закреплено в период становления следующего, информационно-телекоммуникационного технологического уклада, основанного на микроэлектронике и программном обеспечении. Оно обеспечило преимущества США в ходе гонки вооружений, подорвавшей технологически многоукладную экономику СССР.

Таким образом, доминирование Великобритании окончательно закончилось в результате двух мировых войн прошлого столетия, повлекших разрушение европейских колониальных империй и переход лидерства в капиталистическом мире к США. После “холодной войны” между США и СССР с распадом Советского Союза США захватили глобальное лидерство за счёт превосходства в развитии информационно-коммуникативного технологического уклада и установления монополии на эмиссию мировых денег. Связанные с мировым “печатным станком” американские транснациональные корпорации завершили формирование этого мирохозяйственного уклада, идеологией которого стала либеральная глобализация.

Интересно отметить, что каждый гегемон в соответствующем МХУ фактически “собственными руками” создавал своего могильщика — будущего гегемона в новом МХУ: экономика Британии была подготовлена к скачку голландским капиталом, США — британским, Китая — американским. Эта закономерность имеет свою логику: новый лидер с новой системой институтов воспроизводства капитала и управления развитием экономики возникает на периферии старого МХУ, перенимая у его лидеров не только накопленный

опыт, но и капитал. При этом Россия во всех жизненных циклах МХУ формировала свой центр накопления капитала, который одновременно дополнял доминировавший в Западной Европе и противостоял ему.

Жизненный цикл имперского мирохозяйственного уклада проходил в борьбе между социалистической и капиталистической мировыми системами. Их взаимодействие обеспечило объединение мира вокруг общечеловеческих ценностей и глобальных институтов. Окончательно канули в Лету рабовладение, расизм, фашизм, большевизм, исходившие из дифференциации человечества на полноценных и ущербных людей и оправдывавшие угнетение и даже уничтожение одних в интересах других. Оформилось международное право, фундаментом которого стал принцип государственного суверенитета, возникли глобальные институты ООН.

Вместе с тем, в рамках имперского мирохозяйственного уклада фактическое применение международного права оставалось ограничено интересами глобальных империй. Если в мировой системе социализма управление велось на основе политических решений руководства КПСС, то международная политика в капиталистическом мире определялась американскими корпорациями. Ради соблюдения их интересов спецслужбами США устраивались государственные перевороты, совершались политические убийства и репрессии в периферийных странах. Конституция США исходит из примата национального законодательства над международными обязательствами, к которым американские власти относятся как к некоей условности. Пренебрежение международным правом стало нормой американской экспансии после распада СССР — созданные США сети глобального влияния функционируют вне правового пространства, не считаясь ни с национальным суверенитетом государств, ни с международными договорами⁵⁸.

Пытаясь распространить свою юрисдикцию на весь мир, США завершают жизненный цикл имперского мирохозяйственного уклада. Устанавливаемое в его рамках единообразие массовой культуры, образовательных и идеологических стандартов, сведение всех проявлений человеческой деятельности к единому критерию денежного богатства в долларовой выражении подавляет разнообразие человеческой культуры, без которого невозможно развитие. Отражением завершения американского цикла накопления капитала стали антиутопии Фукуямы⁵⁹ и Аттали⁶⁰, объявивших о “конце истории” и установлении царства мировых денег. Однако культ доллара, создаваемый ФРС США в целях бесконечного обогащения её собственников, не может сделаться основой жизни различных народов без уничтожения их культурной идентичности. Завершение жизненного цикла имперского мирохозяйственного уклада ставит предел дальнейшему развитию производительных сил человечества, преодоление которого предполагает переход к новому мирохозяйственному укладу.

Его предпосылки уже созрели в ходе предшествующей эволюции производительных сил и производственных отношений. Развитие производительных сил в рамках жизненного цикла четвертого и пятого технологических укладов сопровождалось кардинальным повышением роли науки и профессиональных знаний в организации производства. Соответственно возрастало значение человеческого фактора в процессе воспроизводства и накопления капитала. Со второй половины прошлого века инвестиции в воспроизводство человеческой составляющей капитала (расходы на образование и здравоохранение) в передовых экономиках стали превышать инвестиции в воспроизводство его материальной составляющей (здания, сооружения, машины и оборудование). Возникли институты социального государства, которые обеспечивали основную часть расходов на расширенное воспроизводство человеческого капитала за счёт соответственно возросшего налогообложения доходов. Таким образом, логика развития и смены технологических укладов оказывала влияние на формирование институтов и социального государства, создавая предпосылки становления интегрального мирохозяйственного уклада. Они постепенно вызревают в недрах имперского мирохозяйственного уклада, принявшего зрелые формы после Второй мировой войны. Соревнование капиталистической и социалистической систем сопровождалось развитием всеобщего образования, повышением значения творческого и интеллектуального труда, вовлечением трудящихся в управление производством и обществом, демократизацией политических систем. Появляется теория конвергенции двух систем. П. Сорокин пытается обосновать неизбежность их синтеза в новом —

интегральном – строе, объединяющем преимущества каждой из них и устраняющем их недостатки.

4.3. Новый мирохозяйственный уклад и конец истории

Переход от колониальных империй европейских стран к американским глобальным корпорациям в качестве ведущей формы организации мировой экономики осуществлялся посредством развязывания двух горячих и третьей – “холодной” – мировых войн, завершение которых всякий раз сопровождалось кардинальными изменениями мирового политического устройства. В результате Первой мировой войны рухнул монархический строй, сдерживавший экспансию национального капитала. В результате Второй развалились колониальные империи, ограничивавшие международное движение капитала. С крахом СССР вследствие Третьей – “холодной” – мировой войны свободное движение капитала охватило всю планету.

Но на это история не заканчивается. Вопреки популярному мнению Фукуямы о “конце истории”, гегемония США подрывается неразрешимыми в рамках существующей системы институтов воспроизводства капитала внутренними противоречиями. Теоретически можно предположить, что они и дальше будут сниматься за счёт притока капитала извне. США могут развязывать всё новые войны с целью списания своих долгов и присвоения чужих активов. Но есть предел в использовании этих механизмов поддержания неэквивалентного международного обмена, основанных на природе современных денег.

Смыслом американской империи, как и предшествующих ей британской и голландской, остаётся обеспечение накопления капитала в руках их властвующей элиты, которая, вероятно, сохраняла наследственную преемственность при смене вековых циклов накопления капитала. Институты буржуазного государства обеспечивали защиту этого капитала от политических и социальных посягательств изнутри, а имперская мощь гарантировала его защиту от внешних конкурентов, а также возможности извлечения сверхприбылей от эксплуатации колоний и периферийных стран.

В то же время под давлением нарастающей вследствие НТП конкуренции государство, призванное обеспечивать воспроизводство не только капитала властвующей элиты, но и всего общества, становилось всё более затратным. Чтобы снизить социальные обязательства, властвующая элита западных стран попыталась навязать своим государствам подписание договоров Трансатлантического торгового и инвестиционного партнёрства и Транстихоокеанского партнёрства, содержащих норму об их отказе от использования национального права для разрешения споров с иностранными инвесторами и замене их национальных судов международным коммерческим арбитражем. Тем самым должна была произойти эмансипация крупного капитала от зависимости со стороны государств, лишённых правовой возможности противостоять интересам капитала.

Инициатором и основным мотором создания Транстихоокеанского и Трансатлантического партнёрств и проводником политики глобализации были ТНК и ТНБ. Преодолев национальные границы в 1970–1980-х годах, они стремились к такой организации мировой экономики, в которой не было бы никаких сдерживающих моментов для их всемирной экспансии. И они пришли в противоречие с интересами национальных государств. Поэтому повсеместно в мире поднимаются националистические движения. Даже в самих США Д. Трамп провозгласил себя “экономическим националистом”.

Интересно заметить, что крупные монополистические структуры, возникнув на основе полученных от государства привилегий в период торгово-монополистического мирохозяйственного уклада, становятся главной движущей силой экономической экспансии соответствующих государств в период колониального мирохозяйственного уклада. Затем они трансформируются в контролируемые государством крупные национальные монополистические корпорации в период имперского мирохозяйственного уклада. А со вступлением его в фазу зрелости пытаются сбросить с себя бремя государственного контроля и обязательств перед страной происхождения, трансформируясь в транснациональные корпорации и продвигая идеологию либеральной глобализации.

С переходом имперского МХУ в фазу упадка транснациональные корпорации стремятся установить контроль над мировой экономикой, сбросив с себя всякую социальную ответственность и обязательства перед государствами, присвоив себе функции мирового правительства. Однако переход к новому, интегральному мирохозяйственному укладу ставит предел их доминированию. Китай, Индия, страны Индокитая, формирующие его ядро, заставляют ТНК подчиниться интересам развития национальных экономик.

Если бы эти договоры были подписаны, то можно было бы, действительно, говорить о конце истории. Вслед за крахом монархий в XX веке глобальному капиталу удалось бы стреножить национальные государства и установить свою безграничную власть над миром, управлять которым стали бы несколько олигархических семейных кланов, контролирующих ФРС США и манипулирующих центральными банками Европы и ведущих стран мира. Отказ Трампа подписывать эти договоры и становление нового мирохозяйственного уклада нейтрализовали эту возможность.

Особенностью современного социального государства стало использование денег в качестве инструмента развития экономики. Государственная банковская система создаёт кредит и размывает монополию капиталистов на управление денежными потоками. После того как СССР продемонстрировал возможность успешного кредитования экономического развития без капиталистов, многие государства взяли на вооружение инструментальной целевой денежной эмиссии. Этот опыт стал краеугольным камнем в модернизации имперских институтов государственной власти, сделав возможным становление интегрального мирохозяйственного уклада. В нём денежное обращение подчиняется целям социально-экономического развития, а частный капитал ставится в рамки служения обществу.

Таким образом, логика истории замыкает круг разрушения и возрождения мировой империи. Развалившись под натиском личных интересов рационально мыслящей продуктивной элиты полтысячелетия назад, имперские институты организации экономики в общественных интересах возрождаются под давлением рационализированного общественного сознания, напуганного перспективой последней мировой войны. Движимая стремлением к мировому господству властвующая в западных странах капиталистическая олигархия создаёт угрозу последней мировой войны. Общественное сознание передовых стран этому спонтанно противодействует, создавая предпосылки становления интегрального мирохозяйственного уклада, в котором власть будет принадлежать не капиталистическому олигархату, а легитимно формируемым институтам на основе национального и международного права.

Исчерпание потенциала роста доминирующего технологического уклада стало причиной глобального кризиса и депрессии, охватившей ведущие страны мира в последние годы. Переживаемая в настоящее время фаза “родов” нового технологического уклада на поверхности экономических явлений предстаёт как сочетание финансовой турбулентности, сопровождающейся образованием и “схлопыванием” финансовых “пузырей”, и экономической депрессии, характеризующейся снижением прибыльности и объёмов привычных производств, падением доходов и цен, в том числе на базовые энергоносители и конструкционные материалы, а также быстрым распространением принципиально новых технологий, находящихся на начальных фазах своего научно-производственного цикла⁶¹.

“Эпицентр” кризисных процессов находится в “ядре” нынешнего мирохозяйственного уклада – в финансовой системе США. Первый “толчок” глобального финансового кризиса поразил его ключевые институты – крупнейшие в мире инвестиционные банки. Вслед за ними обрушились несущие конструкции государственных институтов, обеспечивавших воспроизводство капитала, – страховые и ипотечные агентства. Хотя американская финансовая система устояла за счёт резкого наращивания денежной эмиссии, её диспропорции с тех пор лишь усилились: скачкообразно, до 21 трлн долларов вырос государственный долг, продолжилось раздувание финансовых “пузырей” деривативов, вобравших в себя около квадриллиона долларов активов.

Параллельное с ростом государственного долга и объёмов деривативов наращивание эмиссии доллара свидетельствует о том, что работает в режиме

финансовой пирамиды: текущие обязательства обслуживаются за счёт эмиссии новых. Этот режим вошёл в фазу обострения, когда система теряет устойчивость и становится уязвимой к внешним и внутренним “шокам”. Всё это свидетельствует о достижении пределов расширения Американского векового цикла накопления капитала и исчерпани возможностей экономического развития в рамках имперского мирохозяйственного уклада. Чтобы нейтрализовать эти угрозы, властвующая элита США идёт по пути дестабилизации и хаотизации стран-кредиторов, коллапс которых позволяет списать значительную часть американских обязательств и присвоить активы.

Выход из нынешней депрессии будет сопровождаться масштабными геополитическими и экономическими изменениями. Как и в предыдущих случаях, страны-“чемпионы” демонстрируют неспособность к совместным кардинальным институциональным нововведениям, которые могли бы канализировать высвобождающийся капитал в структурную перестройку экономики на основе нового технологического уклада, продолжая воспроизводить сложившуюся институциональную систему и обслуживать воплощённые в ней экономические интересы.

В настоящее время разворачивается структурная перестройка мировой экономики, связанная с её переходом на новый технологический уклад, опирающийся на комплекс нано-, биоинженерных и информационно-коммуникационных технологий. Вскоре передовые страны выйдут на “длинную волну” его экономического роста. Падение цен на нефть является характерным признаком завершения периода “родов” нового технологического уклада и его выхода на экспоненциальную часть траектории роста за счёт бурного распространения новых технологий, кардинально улучшающих ресурсоэффективность и снижающих энергоёмкость производства. Именно в такие периоды глобальных технологических “сдвигов” у отстающих стран возникает возможность для экономического “рывка” к уровню передовых стран, пока последние сталкиваются с перенакоплением капитала в устаревших производственно-технологических комплексах.

Такой “рывок” совершают сегодня Китай и другие страны Юго-Восточной Азии. За три последних десятилетия КНР добились впечатляющих успехов. Из глубокой периферии мировой экономики Китай шагнул в число лидеров, выйдя в 2014 году на первое место в мире по физическому объёму ВВП и экспорту высокотехнологичной продукции. За три десятилетия объём ВВП вырос в Китае в 30 раз (с 300 млрд долларов до 9 трлн долларов по текущему курсу юаня к доллару), промышленного производства – в 40–50 раз, валютных резервов – в несколько сотен раз (с нескольких десятков млрд долларов до 4 трлн долларов). По уровню экономического развития, измеряемого показателем ВВП на душу населения, Китай поднялся с места в конце списка беднейших стран мира до места в первой тридцатке стран (среднего достатка)⁶².

Китай становится мировым инженерно-технологическим центром. Доля китайских инженерно-технических и научных работников в их мировой численности достигла в 2007 году 20%, удвоившись по сравнению с 2000 годом (1420 и 690 тысяч соответственно). Согласно прогнозам, к 2030 году в мире будет насчитываться 15 млн инженерно-технических и научных работников, из которых 4,5 млн человек (30%) будут составлять учёные, инженеры и техники из КНР⁶³. К 2030 году Китай по объёму затрат на научно-технические разработки выйдет на 1-е место в мире, и его доля в объёме мировых затрат составит 25%⁶⁴. Из крупных стран одновременно с КНР опережающие темпы роста демонстрирует Индия и страны Индокитая.

Благодаря продолжающемуся быстрому подъёму Китая и Индии заинтересованные в переходе к новому мирохозяйственному укладу страны уже обладают достаточной научной и производственно-технологической базой для совершения технологического “рывка”.

Одновременно с быстрым ростом “ядра” Азиатского цикла накопления “ядро” Американского относительно уменьшается. Этот процесс носит устойчивый характер и в перспективе продолжится. Таблица лишь частично отражает этот процесс – к ядру азиатского цикла накопления капитала можно прибавить страны Индокитая, Иран, Пакистан, а также в перспективе – ЕАЭС, Японию и Корею.

Сопоставление ВВП “ядра” Американского и Азиатского циклов накопления капитала⁶⁵

Страны / годы	1913	1950	1973	2000	2010	2020	2030
США и ЕС	54,7	54,4	49,2	43,4	36,5	32,4	18,2
Китай и Индия	16,3	8,8	7,7	17,0	28,7	41,1	52,0
Япония	2,6	3,0	7,8	7,2	5,4	4,4	3,2
Россия	8,5	9,6	9,4	2,1	2,4	2,7	3,0

В отличие от стран “ядра” существующего мирохозяйственного уклада, навязавшего миру универсальную систему финансово-экономических отношений как основу либеральной глобализации, формирующееся “ядро” нового мирохозяйственного уклада отличается большим разнообразием.

Для России наибольшее значение в выборе стратегии экономического развития имеет пример Китая, который не только является крупнейшим соседом и лидером в формировании нового мирохозяйственного уклада, но и творчески использует достижения общего для двух стран опыта построения социализма. Китайский подход к построению рыночной экономики кардинально отличается от постсоветского своим прагматизмом и творческим отношением к реформам. В их корне лежат не догматические шаблоны, исходящие из идеологических и оторванных от реальности представлений о социально-экономических процессах, а практика управления хозяйством. Подобно инженерам, конструирующим новую машину, китайские руководители последовательно отработывают новые производственные отношения через решение конкретных задач, проведение экспериментов, отбор лучших вариантов. Терпеливо, шаг за шагом они строят свой рыночный социализм, постоянно совершенствуя систему государственного управления и выделяя только те институты, которые работают на развитие экономики и повышение общественного благосостояния. Сохраняя завоевания социализма, китайские коммунисты включают в систему государственного управления регуляторы рыночных отношений, дополняют государственные формы собственности частными и коллективными таким образом, чтобы добиваться повышения эффективности экономики в общенародных интересах.

Быстрый экономический рост Китая, продолжавшийся в ходе и после глобального финансового кризиса (на фоне стагнации мировой экономики), объясняется эффективностью системы управления народнохозяйственным развитием. Она сочетает стратегические и индикативные планы с целевым кредитованием инвестиционных проектов и программ, с одной стороны, и рыночную конкуренцию в открытой экономической среде с избирательным государственным регулированием, с другой.

Стратегическое планирование указывает перспективные направления развития экономики, опираясь на долгосрочные прогнозы НТП и понимание возможностей опережающего развития китайской экономики в рамках мировой. Индикативное планирование даёт ориентиры деятельности органам государственной власти всех уровней по созданию условий для наращивания инвестиционной активности в целях роста производства и повышения уровня жизни населения. Оно также предоставляет предпринимателям возможность воспользоваться этими условиями. Рыночная конкуренция обеспечивает эффективность, а целевое кредитование – финансирование реализации инвестиционных проектов и достижение запланированных целей. Государственное регулирование стимулирует деловую активность в направлении роста производства и сдерживает её деструктивные проявления (вывоз капитала, финансовые пирамиды и т. п.). Открытость даёт возможность импорта передовых технологий и экспорта готовой продукции, побуждая предпринимателей к повышению конкурентоспособности продукции.

Стержнем всей системы регулирования китайской экономики является всемерное стимулирование инвестиционной и инновационной активности. Ключевую роль в этом играет госсектор, основу которого составляют государственная банковская система, генерирующая кредит под индикативные планы роста инвестиций и производства; транспортная и энергетическая инфраструктура,

развитию которой придаётся приоритетное значение в государственных планах; госкорпорации, концентрирующие ресурсы для научно-технического развития экономики, разработки и внедрения передовых технологий. Как убедительно показано Дж. Россом, локомотивом развития китайской экономики служат госинвестиции. Вслед за их ростом наращиваются и частные инвестиции: предприниматели опираются на снижение рисков и используют государственную инфраструктуру. При этом государство проводит антициклическую политику, наращивая инвестиции в периоды спада частной инвестиционной активности⁶⁶.

Последовательное быстрое наращивание инвестиций в перспективных направлениях развития экономики обеспечило опережающий рост китайской, как и индийской, экономики. Первоначальным источником их финансирования являлась упомянутая целевая кредитная эмиссия. Определённую роль сыграли прямые иностранные инвестиции, привлекаемые правительством в целях освоения передовых технологий и развития международной кооперации производства. В дальнейшем, по мере роста производства, увеличивались доходы и сбережения населения, создавая восходящий финансовый поток кредитования новых инвестиций. При этом Народный банк Китая продолжает наращивать кредитную эмиссию по каналам государственных банков и институтов развития под инвестиционные потребности модернизации и расширения производства, заявляемые в индикативных планах правительства, провинций, городов и корпораций. Создаваемые в этих целях финансовые инвестиционные платформы позволяют снизить риски и обеспечить направление эмитируемых Национальным банком Китая кредитных ресурсов в развитие перспективных производств в соответствии с государственными приоритетами.

Сами китайцы называют свою формуацию социалистической, развивая при этом частное предпринимательство и выращивая конкурентоспособные на рынке корпорации. Коммунистическое руководство Китая продолжает строительство социализма, избегая идеологических клише. Они предпочитают формулировать задачи в терминах народного благосостояния, ставя цели преодоления бедности и создания общества средней зажиточности, а в последующем – выхода на лидирующие позиции по уровню жизни. Они стараются избежать чрезмерного социального неравенства, сохраняя трудовую основу распределения национального дохода и ориентируя институты регулирования экономики на производственную деятельность и долгосрочные инвестиции в развитие производительных сил. В этом общая особенность стран, формирующих «ядро» нового мирохозяйственного уклада.

Возвышение Китая влечёт за собой реформирование мирового экономического порядка и международных отношений. Возрождение планирования социально-экономического развития и государственного регулирования основных параметров воспроизводства капитала, активная промышленная политика, контроль за трансграничными потоками капитала и валютные ограничения – всё это может превратиться из запрещённого вашингтонскими финансовыми организациями «меню» в общепринятые инструменты международных экономических отношений. В противовес Вашингтонскому, ряд учёных заговорили о Пекинском консенсусе, являющемся куда более привлекательным для развивающихся стран, в которых проживает большинство человечества. Он опирается на принципы недискриминации, взаимного уважения суверенитета и национальных интересов сотрудничающих государств, ориентируя их не на обслуживание международного капитала, а на подъём народного благосостояния. При этом может возникнуть новый режим защиты прав на интеллектуальную собственность и передачи технологий, вероятно, принятие новых норм международной торговли в сфере энергетики и ресурсов, новых правил международной миграции, могут быть заключены новые соглашения об ограничении вредных выбросов и т. д. Китайский подход к международной политике (отказ от вмешательства во внутренние дела, от военной интервенции, от торговых эмбарго) даёт развивающимся странам реальную альтернативу выстраивания равноправных и взаимовыгодных отношений с другими государствами⁶⁷.

В международном аспекте интегральный мирохозяйственный уклад становится основой нового мирового порядка.

Наряду с Китаем в формирование ядра нового мирохозяйственного уклада вовлечены Япония, Сингапур и Южная Корея. Несмотря на существенные отличия от КНР по политическому устройству и механизмам регулирования

экономики, между ними формируется множество устойчивых кооперационных связей, быстро растут взаимная торговля и инвестиции.

К формирующемуся “ядру” нового мирохозяйственного уклада подтягиваются Россия, Индия, Вьетнам, Малайзия, Индонезия, Бразилия и другие государства Латинской Америки. Усиливается притяжение к нему стран Африканского континента. В совокупности экономическая мощь этих государств уже сопоставима со странами “ядра” Американского цикла накопления. Есть у них и общий элемент, который может сыграть роль своего рода канала для перемещения капитала из одного цикла накопления в другой, — Япония, обладающая мощной финансовой системой.

Вне зависимости от доминирующей формы собственности — государственной, как в Китае или во Вьетнаме, или частной, как в Японии или Корее, — для нового мирохозяйственного уклада Азиатского векового цикла накопления характерно сочетание институтов государственного планирования и рыночной самоорганизации, государственного контроля над основными параметрами воспроизводства экономики и свободного предпринимательства, идеологии общего блага и частной инициативы. При этом формы политического устройства могут принципиально отличаться — от самой большой в мире индийской демократии до крупнейшей в мире коммунистической партии Китая. Неизменным остаётся приоритет общенародных интересов над частными, выражающийся в жёстких механизмах личной ответственности граждан за добросовестное поведение, чёткое исполнение своих обязанностей, соблюдение законов, служение общенациональным целям. Причём формы общественного контроля могут тоже принципиально отличаться — от харакери руководителей обанкротившихся банков в Японии до исключительной меры наказания проворовавшихся чиновников в Китае. Система управления социально-экономическим развитием строится на механизмах личной ответственности за повышение благополучия общества.

Примат общественных интересов над частными выражается в характерной для нового мирохозяйственного уклада институциональной структуре регулирования экономики. Прежде всего — в государственном контроле над ключевыми параметрами воспроизводства капитала посредством механизмов планирования, кредитования, субсидирования, ценообразования и регулирования базовых условий предпринимательской деятельности. Государство при этом не столько приказывает, сколько выполняет роль модератора, формируя механизмы социального партнёрства и взаимодействия между основными социальными группами. Чиновники не пытаются руководить предпринимателями, а организуют совместную работу делового, научного, инженерного сообществ для формирования общих целей развития и выработки методов их достижения. В свою очередь, предприниматели вписывают мотив максимизации прибыли и обогащения в этические нормы, защищающие интересы общества. Расширяется использование институтов предпринимательской деятельности, ориентированных не на максимизацию прибыли, а на социально значимый результат — создание и развитие некоммерческих организаций, институтов развития, исламского и православного банкинга. При управлении денежными потоками принимаются во внимание этические нормы и вводятся ограничения против финансирования преступной и аморальной деятельности. На это настраиваются и механизмы государственного регулирования экономики.

Государство обеспечивает предоставление долгосрочного и дешёвого кредита, а бизнесмены гарантируют его целевое использование в конкретных инвестиционных проектах для развития производства. Государство предоставляет доступ к инфраструктуре и услугам естественных монополий по низким ценам, а предприятия отвечают за производство конкурентоспособной продукции. В целях повышения её качества государство организует и финансирует проведение необходимых НИОКР, образование и подготовку кадров, а предприниматели реализуют инновации и осуществляют инвестиции в новые технологии. Частно-государственное партнёрство подчинено общественным интересам развития экономики, повышения народного благосостояния, улучшения качества жизни. Соответственно, меняется и идеология международного сотрудничества — модель либеральной глобализации в интересах частного капитала ведущих стран мира сменяется парадигмой устойчивого развития в интересах всего человечества.

Китайское руководство скромно продолжает называть свою страну развивающейся. Это так, если судить по темпам роста, но по своему экономическому потенциалу Китай уже встал на уровень ведущих стран мира. По структуре же производственных отношений КНР становится образцом для многих развивающихся стран, стремящихся повторить китайское экономическое чудо и сближающихся с “ядром” нового мирохозяйственного уклада. Сложившиеся в Китае производственные и общественно-политические отношения следует рассматривать не как переходные, а как характерные для самой передовой в этом столетии социально-экономической системы – интегрального мирохозяйственного уклада.

Ещё в 1964 году проживающий в США замечательный русский мыслитель П. Сорокин предвидел этот исторический переход и дал определение ключевого отличия новой эпохи от предыдущей: “Доминирующим типом возникающего общества и культуры не будет, вероятно, ни капиталистический, ни коммунистический, а тип *suí generis*, который мы обозначили как интегральный тип. Этот тип будет промежуточным между коммунистическим и капиталистическим порядками и образами жизни. Он должен вобрать в себя большинство позитивных ценностей и быть свободным от серьёзных дефектов каждого типа. Больше того, возникающий интегральный строй в своём развитии не будет, вероятно, простой эклектичной смесью специфических особенностей обоих типов, но объединённой системой интегральных культурных ценностей, социальных институтов и интегрального типа личности, существенно отличных от капиталистических и коммунистических образцов”⁶⁸.

Имперский МХУ характеризуется вертикально-интегрированной централизованной формой организации производства, а Интегральный МХУ отличается горизонтально-интегрированной сетевой структурой организации производства. Её характерными особенностями является частно-государственное партнёрство, стратегическое планирование совместными усилиями науки, бизнеса и государства, превращение его в государство развития.

В рамках интегрального мирохозяйственного уклада будет восстановлен государственный суверенитет при соблюдении договорных норм международного права. Каждая страна выстроит свой вариант цифрового общества, с учётом собственных традиций и этических норм. Согласно гипотезе Поршнева, разработавшего типологию человеческого общества, в перспективе должна увеличиваться доля неoантропов – людей с самостоятельной творческой мотивацией, руководствующихся в своём поведении научными знаниями, логическим мышлением, рациональными соображениями, не подверженных психологическим манипуляциям⁶⁹. Цифровая революция создаёт условия для быстрого увеличения доли неoантропов за счёт сокращения доли так называемого “диффузного типа” – людей с манипулируемым сознанием, ориентирующихся на устанавливаемые стереотипы социального поведения и легко поддающихся внушению. В этом смысле человечество ждёт качественный эволюционный “скачок” за счёт кратного увеличения творческой активности людей. Но в каком направлении они смогут самореализоваться – созидательном или разрушительном – зависит от этических норм и государственных политик ведущих стран мира. Не исключён вариант и самоистребления человека путём создания регулируемой искусственным интеллектом “цивилизации роботов” как нового оружия в ведущейся США гибридной войне за удержание глобальной гегемонии. Чтобы минимизировать вероятность такого фатального развития событий, необходимо раскрыть их логику. Вскрытие причинно-следственных зависимостей распада больших социальных образований позволит купировать кризисные процессы и направлять их в созидательное русло.

ГЛАВА 5. Есть ли логика в истории?

В нашей работе предпринята попытка раскрытия логики развития общественного устройства как движения к всё более сложным формам организации социально-экономической деятельности. Она была бы не полной, если бы мы не рассмотрели исключения из этой логики, связанные с периодами деградации общества.

5.1. Логика воспроизводства и распада имперских государственных образований

Воспроизводство всех евразийских империй происходило по следующим контурам, обеспечивающим формирование и поддержание устойчивости социальных связей.

1. Идеологический контур, объединяющий людей на основе общего понимания смысла и правильности существующего общественно-государственного устройства. Как известно, советская империя имела коммунистическую идеологию. Идеология Российской империи отражена в ёмкой формуле: “Православие, самодержавие, народность”. Отметим, что общим стержневым принципом всех исторически присутствовавших в общественном сознании Империи идеологий оказывается требование социальной справедливости, чему должно соответствовать общественно-государственное устройство. Нарушение этого условия влекло разрушение идеологического контура и хаотизацию общественного сознания.

2. Политический контур, объединяющий людей посредством институтов государственной власти. И в Советской, и в Российской империях он строился иерархическим образом во главе, соответственно, с Политбюро ЦК КПСС и царём.

3. Нормативный контур, объединяющий людей на основе правил поведения и санкций за их нарушение. Он формируется политическим контуром путём принятия законов, указов, постановлений и других обязательных для исполнения норм. Расшатывание политического контура ослабляло легитимность нормативного контура, создавая возможность массового нарушения законодательства и неподчинения органам власти. Так, свержение царя породило быстрое разрушение институтов организации общества, порязшего в беззаконии и гражданской войне. Аналогичным образом самоликвидация КПСС повлекла за собой быструю делегитимизацию советской правовой системы, нарастание национал-сепаратизма, развал государства и криминализацию общества.

4. Экономический контур, объединяющий хозяйственную деятельность людей. Он формируется нормами и институтами, регулирующими различные её виды. Делегитимизация нормативного контура влечёт за собой разрушение сложных видов хозяйственной деятельности и деградацию экономики. Непосредственным экономическим итогом катастроф и распадов единой государственности становилось запустение хозяйства, вывоз за рубеж и уничтожение значительной части накопленного богатства, разрушение производительных сил и падение народного благосостояния. Требовался достаточно длительный период для их восстановления в рамках новой системы воспроизводства экономики, задаваемой другими нормативным, политическим и идеологическим контурами.

5. Семейно-родовой контур, обеспечивающий воспроизводство народонаселения. Семейный уклад и кровнородственные отношения находятся под сильным воздействием всех перечисленных выше воспроизводственных контуров, но при этом сохраняют относительную автономность, позволяющую уберечь от разрушения историческую память и способность общественного сознания к регенерации социальных структур, хоть и в иных форматах. Развал семейно-родового контура сопровождается взрывом неуправляемой социальной энергии, характеризующейся крайней агрессивностью утративших привычные смыслы жизни и связи людей. Оно влечёт за собой социальную дезинтеграцию и одичание значительной части общества, его распад на самоорганизующиеся враждующие группы, всплеск насилия и появление архаичных социальных структур. Преодоление этого хаоса достигается за счёт насильственного подавления асоциальных форм поведения путём сверхжёсткой организации перечисленных выше воспроизводственных контуров обновленной Империи.

Катастрофы, повлекшие крах Империи, происходили путём поочередного разрушения указанных воспроизводственных контуров. Вначале размывался идеологический контур, что подрывало устойчивость политического, чьё ослабление, в свою очередь, влекло за собой делегитимизацию нормативного и последующую деградацию экономического контуров. В подобных условиях семейно-родовой контур не мог удерживать утративших привычные жизненные

ориентиры людей, значительная часть которых радикализировалась и пополнила революционную среду. Общим проявлением этих катастроф было удивительно быстрое одичание значительной части населения, опускавшегося с распадом всех пяти контуров воспроизводства социально-государственного устройства до самых примитивных форм асоциального поведения, уничтожая остатки общественно-государственного устройства. Последующая самоорганизация общества происходила насильственным образом принципиально новой социальной группой – носителями иной идеологии, определявшей конструкцию остальных воспроизводственных контуров.

Общей чертой всех переходов к новому общественно-государственному устройству было наличие достаточно мощного внешнего импульса, направленного на разрушение вначале идеологического, а затем и политического воспроизводственного контуров. Причём главным объектом воздействия являлась властвующая элита, где образовывалась прослойка агентов влияния, претендующая на превосходство новой идеологии.

В отсутствие решительного отторжения со стороны политического воспроизводственного контура происходит “заражение” властвующей элиты новой идеологией с последующим размыванием идеологического воспроизводственного контура и разрушением политического. После этого быстро рушится нормативный контур и деградирует экономический. Семейно-родовой контур сохраняет относительную устойчивость, обеспечивая дальнейшее воспроизводство населения, которое постепенно включается в новую систему социально-властных отношений и соответствующие ей воспроизводственные контуры.

Так, падению самодержавия предшествовал длительный процесс дискредитации Православия с отпадением от веры значительной части властвующей элиты, воспринимавшей тогдашнее общественно-государственное устройство как архаичное, неэффективное и позорное для страны. Руководствуясь западными ценностями, образцами и установками, направляемая извне сеть агентов влияния добилась свержения самодержавия, после чего быстро рухнули все остальные воспроизводственные контуры социально-государственного устройства. Аналогичный процесс произошёл с ликвидацией КПСС и последующим крахом СССР.

Следует отметить, что структура воспроизводства западноевропейских социумов после падения Византийской империи претерпела существенные изменения. Идеологический и политический воспроизводственные контуры, ранее связанные воедино в жёсткой иерархической структуре теократического государства во главе с облечённым светской и духовной властью Императором, развалились и затем восстанавливались лишь частично в ослабленном виде. Семейно-родовой воспроизводственный контур в этих условиях приобрёл относительно большее значение, что отразилось в феодальном устройстве европейских протогосударств. Их относительно небольшой размер и раздробленность властвующей элиты мешали концентрации власти, необходимой для восстановления имперской воспроизводственной структуры. Препятствием стало также разделение идеологического и политического воспроизводственных контуров, первый из которых вращался вокруг папского престола в Ватикане, а вторые оказались локализованы в западноевропейских королевствах. Хотя каждое из них стремилось воспроизвести империю, воссоздать её в прежнем виде никому из них не удалось. На небольшой период времени это получилось у российского императора после разгрома армии объединившего Западную Европу Наполеона. Но эрозия идеологического и политического контура западноевропейского социально-государственного социума зашла слишком далеко, к тому же православный император не мог заместить влияние Римского папы, вследствие чего идеологический контур оставался разомкнутым. Созданный Александром Первым Священный Союз оказался непрочным и требовал слишком много дорогостоящих усилий для воспроизводства. Это было противоестественное объединение двух идеологически и цивилизационно различных империй, поэтому он не мог не распасться. К тому же против этого союза выступало и формирование колониального МХУ под эгидой Британии.

Эрозия идеологического и локализация политического воспроизводственных контуров в Западной Европе создала возможности для относительно автономного воспроизводства семейно-родового и экономического контуров, чьё переплетение способствовало накоплению капитала. Стремление последнего к самовозрастанию обостряло противоречие между торгово-ростовщическим

и аристократическими условиями, обеспечивавшими воспроизводство, соответственно, экономического и политического контуров. Указанное противоречие разрешалось формированием властно-хозяйственных организаций, формы которых менялись с течением времени – от крестовых походов до государственно-монополистических корпораций. Они были “заточены” на внешнюю экспансию, снимая внутренний конфликт интересов извлечением сверхприбылей за счёт разграбления других стран. Делать это можно было либо путём колонизации недоразвитых обществ за пределами Евразии, либо путём подрыва воспроизводственных контуров евразийских империй, разрушения их социально-государственного устройства и хаотизации их экономического пространства. Именно таким образом организовывались великие смуты, повлекшие за собой катастрофические падения империй, образовавших евразийское пространство.

Здесь необходимо отметить, что при всех различиях в институтах трёх сменявших друг друга мирохозяйственных укладов, обеспечивавших воспроизводство капитала в странах Запада в разные исторические периоды, неизменным оставалось отмеченное выше переплетение экономического и политического контуров в создаваемых их властвующей элитой властно-хозяйственных организациях. Они всегда были ориентированы на внешнюю экспансию с целью извлечения сверхприбыли за счёт неэквивалентного экономического обмена с зависимыми странами. Предел этой экспансии был определён границами евразийских империй, которые западный капитал всегда пытался раздвинуть путём разрушения их воспроизводственных контуров. Технологии такого разрушения хоть и существенно отличались по форме, оставались неизменными по логике и последовательности применения.

Первым подвергается распаду идеологический контур, составляющий “стержень” воспроизводства социально-государственного устройства Российской империи.

Аналогичным образом был разрушен СССР. Подрыв коммунистической идеологии осуществлялся путём внедрения в сознание властвующей элиты идей демократических прав и свобод личности. Дискредитация социалистического государства, провозгласившего принцип “от каждого по способностям, каждому – по труду”⁷⁰ и утверждавшего своё материально-техническое преимущество, осуществлялась на основе потребительской идеологии, доказывавшей материально-техническое превосходство капитализма. Часть властвующей элиты пошла на поводу у этих идей, занявшись размытием вначале идеологического контура, а затем – демонтажом политического. После самоликвидации КПСС, скреплявшей эти контуры, дальнейшее разрушение империи силами манипулируемых извне агентов влияния оказалось делом политических технологий.

Если бы властвующая элита имела историческую память, она могла бы предотвратить катастрофу как в 1917-м, так и в 1991 году, совершенствуя воспроизводственные контуры социально-государственного устройства. Разрушительное воздействие внешних импульсов стало возможным только вследствие процессов внутреннего разложения, затронувших все эти контуры. Самодовольство, догматизм и невежество властвующей элиты создавали благодатную среду для агентов враждебного внешнего влияния, размывавших и расшатывавших воспроизводственные контуры социально-государственного устройства империи.

Попробуем идентифицировать основные пороки властвующей элиты, повлекшие за собой разрушение идеологического и политического контуров воспроизводства империи и её последующий распад.

Первый – догматизм, мешавший своевременной адаптации идеологии к происходящим изменениям. В результате она теряла способность не только оправдывать социально-государственное устройство, но и объяснять происходящие изменения. Так, советский агитпроп продолжал утверждать неизбежность и скорую гибель капитализма вследствие классового антагонизма вопреки очевидным для всех достижениям развитых капиталистических стран, построивших социальные государства с более высоким, чем в СССР, уровнем жизни. У властвующей элиты Российской империи вовсе отсутствовало понимание значения идеологии. В итоге произошло настолько глубокое разложение идеологического контура, что граждане не оказали сколько-нибудь серьёзного сопротивления краху режима власти.

Второй — самонадеянность властвующей элиты, намеревавшейся править вечно. Даже её оппозиционная часть, размывая идеологический контур воспроизводства империи, не подозревала о неизбежной утрате своих властно-хозяйственных позиций в результате его разложения. Почти все ниспровергатели идеологических основ режима не смогли сохранить после его краха своё властное и имущественное положение, а многие из них лишились семьи, свободы и жизни.

Третий — наивность и безответственность руководства страны, которое, с одной стороны, недооценило коварство западных “партнёров”, а с другой стороны, с лёгкостью отдало власть заговорщикам. Сегодня очевидно, что Антанта оказалась “ловушкой” для Николая Второго, а дружба с западными лидерами — для Горбачёва. Оба могли удержать власть, но не стали связывать себя политическими репрессиями, явно недооценив последствия своей уступчивости.

Все три порока носят субъективный характер, хотя имеют объективное основание, заключающееся в последствиях длительного воспроизводства властных отношений при отсутствии конкуренции. Наиболее распространённые из них — коррупция, кумовство, некомпетентность, самодовольство, безответственность руководящих кадров. Отрицательный кадровый отбор, осуществляемый по критериям личной преданности и материальной заинтересованности, — закономерные свойства иерархических бюрократических систем, хорошо известные современной теории управления. Определены и способы борьбы с ними — временные и возрастные ограничения на замещение руководящих должностей, ротация руководящих кадров, их периодическая аттестация, последовательная и принципиальная борьба с коррупцией и кумовством, персональная ответственность руководителей за объективные результаты деятельности возглавляемых ими организаций, а органов исполнительной власти — за итоги и последствия проводимой социально-экономической политики, экзаменационная система рекрутирования кадров и т. п.

Качество властвующей элиты — главное уязвимое место имперского социально-государственного устройства. По меньшей мере, она должна быть самокритичной, чтобы избежать типичных “ловушек” гнивающего воспроизводства. Перечислим знаковые ошибки советской властвующей элиты, повлекшие размывание идеологического и последующий разрыв политического контуров воспроизводства социально-государственного устройства.

В идеологической области ключевым провалом стала постоянная постановка нереальной задачи скорейшего построения коммунизма⁷¹, порождавшая завышенные ожидания населения и разочарование от несбывшихся надежд. Ошибкой было игнорирование огромного количества фактов, расхоронившихся с теорией научного коммунизма, что подрывало доверие к ней и ставило под сомнение её научный характер. Ещё большим заблуждением оказалось отрицание каких бы то ни было ошибок вообще, что, с одной стороны, провоцировало безответственность власти, а с другой стороны, налагало на неё всю ответственность за ранее совершённые промахи и даже преступления с миллионами невинных жертв. К последним относятся раскулачивание и принудительное переселение в непригодные для жизни местности зажиточных крестьян, обусловленное идеологически ошибочным тезисом об обострении классовой борьбы после утверждения советской власти; принудительная украинизация исторически русских земель с насаждением в них языка и власти исключительно создаваемых наций для борьбы с мифологической угрозой великорусского шовинизма; тотальное уничтожение храмов, убийства и репрессии против священнослужителей в целях атеистической “зачистки” общественного сознания. Эти вызванные идеологическими провалами преступления не были осмыслены и преодолены в общественном сознании, что позволило национал-сепаратистам их использовать для антисоветской агитации.

Ещё большие ошибки совершались в политической области. Подтверждая на словах верность идеологическим догмам, руководство страны предпринимало несовместимые с ними действия, что вызывало смятение во властвующей элите и дискредитировало власть в общественном сознании, порождая сомнения в её компетентности и дееспособности. Это, прежде всего, самоликвидация КПСС, подорвавшая легитимность всего государственного устройства и повлёкшая утрату управляемости и нарастание хаоса в стране. Ошибкой стало открытие информационного пространства страны для дискредитации власти

под видом гласности. Ещё одним промахом оказалось попустительство национал-сепаратизму в форме регионального хозрасчёта. Он обострил последствия более старого системного провала, заложенного в основу территориального устройства страны как союза искусственно созданных республик. Всё это так и не было исправлено и предопределило распад страны на созданные советской властью протогосударственные образования с собственной протонациональной идентичностью. Как только Империя начала разваливаться, подобные протогосударственные устройства стали стремительно обретать черты реальных государств, а ранее единый народ — раскалываться на новые нации, образуемые на основе противопоставления общей Родине.

Идеологически обусловленные ошибки допускались во внешней политике. Прежде всего, это касается спонсирования коммунистических партий и повстанческих движений в странах Запада и на контролируемых ими территориях, следствием чего оказалась постоянная политическая напряжённость и гонка вооружений, отвлекавшая значительные ресурсы и подрывавшая благосостояние советского народа. Апофеозом этой провальной политики стало вторжение Советской армии в Афганистан. После её вывода была допущена другая, зеркальная, ошибка, которая заключалась в отказе от контроля за внутривнутриполитической ситуацией в государствах Варшавского договора, вследствие чего произошёл перехват инициативы геополитическим противником. В отсутствие противодействия агентура стран НАТО быстро расправилась с восточноевропейскими структурами коммунистических и социалистических партий. Крах государственно-политического устройства стран ЦВЕ вызвал цепную реакцию разрушения мировой социалистической системы.

Не менее серьёзные промахи допускались в экономической сфере. Исходя из идеологической догмы о недопустимости частной собственности как основы возрождения капитализма, было проведено тотальное огосударствление экономики, результатом чего выступили её известная жёсткость, низкое качество потребительских товаров, недоразвитость сферы услуг, слабая инновационная активность и другие недостатки. Противоположная идеологическая догма о безусловном преимуществе планирования по сравнению с рыночной конкуренцией повлекла за собой недооценку нарастающего усложнения производственно-технологических связей и разнообразия товаров, с одной стороны, и ограниченности избирательной способности органов планирования, с другой стороны. В итоге произошло рутинное расширенное воспроизводство однажды освоенных технологий, вследствие чего возникла технологическая многоукладность народного хозяйства, связывавшая ограниченные ресурсы в устаревших производствах⁷².

Идеологические догмы довели над советским руководством вплоть до самого краха СССР. Попытки развивать рыночные отношения без частной собственности посредством расширения самостоятельности госпредприятий и выборности их руководителей, кооперативов, центров научно-технического творчества молодёжи не учитывали главного — того, что движущей силой рыночной экономики является конкуренция, — и преувеличивали второстепенное — то, что частная собственность может быть сколь угодно жёстко ограничена в свободе распоряжения как ею, так и получаемыми за счёт эксплуатации наёмных работников доходами. Вместо того чтобы совершенствовать идеологию, исходя из реалий, руководство КПСС пыталось вписать реформы в нереалистичные догмы, расшатывая сложившиеся контуры воспроизводства народнохозяйственного комплекса и усиливая нарастающие дисбалансы.

Подчеркнём, что системная ошибка руководства СССР заключалась в нежелании совершенствовать идеологию, несмотря на её очевидные расхождения с действительностью. В результате система управления страной оказалась заложницей нереалистичной догматики, следствием чего стали её нарастающая неэффективность, замедление социально-экономического развития и, в конечном счёте, усугубление хаоса.

К сожалению, догматизм мышления унаследовали российские реформаторы, просто заменившие постулаты научного коммунизма на противоположные, не менее далекие от реальности. Вместо планирования центральное место заняла рыночная самоорганизация, вместо тотального огосударствления проведена всеобщая приватизация, место классиков марксизма-ленинизма заняли меморандумы МВФ. Управляемость экономикой была окончательно утрачена, её воспроизводство подчинено влиянию внешних факторов. Вопреки

катастрофическим результатам проводимой экономической политики, её последовательно продолжают проводить уже третье десятилетие. Руководство страны остаётся в плену догматики рыночного фундаментализма, не обращая внимания ни на её провальные итоги, ни на международный опыт, ни на требования профсоюзов, ни на рекомендации отечественного научного и делового сообществ.

Приходится констатировать, что *в нашем случае история ничему не учит*. Важно найти объяснение этому загадочному феномену необучаемости властвующей элиты.

Первая причина связана с её тотальной заменой при каждом крахе Империи. В результате всех катастроф к власти приходили ниспровергатели прежней идеологии, обретавшей к тому времени догматический характер. Они несли с собой противоположные идеи, которые догматичным общественным сознанием принимались на веру. Прежние догмы заменялись на противоположные и внедрялись насильственным путём. Поскольку они формировались внешними, враждебными Империи центрами влияния с целью её разрушения, то успешной конструктивной их реализации не предполагалось. Известно, например, что никто из западных кураторов большевиков не верил в реалистичность их намерений. Так же, как и западные кураторы “прорабов перестройки” не ждали от них ничего, кроме попустительства развалу собственной страны.

Вторая причина обусловлена ненавистью революционеров к собственной стране и её народу. Большевики видели в России топку мировой революции, где местному населению была уготована роль “пушечного мяса” в войне с европейской буржуазией. Российские рыночные реформаторы были озабочены ликвидацией СССР и совершенно не беспокоились насчёт туземного населения, большая часть которого “не вписалась в рынок”⁷³. Они ставили перед собой задачу ликвидации Империи путём ниспровержения её государственного устройства даже ценой расчленения и гибели страны вместе с её народом. Критерий успешного социально-экономического развития даже не принимался во внимание.

Третья, пожалуй, самая загадочная причина заключается в удивительной способности Империи к реинкарнации. Она восстанавливается с новым социально-государственным устройством и новыми контурами воспроизводства. Они надстраиваются над сохраняющимся в переходный период семейно-родовым воспроизводственным контуром, генерирующим социальную поддержку новой властвующей элите. До сих пор она не могла устоять против соблазна имперской власти. И после первой, и после второй катастрофы очередная властвующая элита после разрушения прежней Империи, вопреки изначальным намерениям, начинает формировать новую. Так, уничтожив Российскую империю и захватив власть в целях “раздувания” мировой революции, большевики принялись строить социализм в одной стране, создав, в итоге, мировую систему социализма. Поставленные на правление в оставшемся после Рюриковичей Московском царстве Романовы пошли на конфликт со своими европейскими партнёрами, создав Российскую империю. И в настоящее время компрадорский режим рыночных фундаменталистов, благодаря политике по восстановлению государственности В. В. Путина, трансформируется в новую Великую державу.

Получается, что вне зависимости от воли действующих лиц, Империя возрождается с кардинально изменёнными идеологическим, политическим и экономическим воспроизводственными контурами. Причём каждый раз переформатируется историческая память. Новая властвующая элита переписывает историю под свою идеологию, отрицая какую-либо преемственность. И затем Империя вновь разрушается вследствие разложения идеологического и политического контуров под воздействием внешних сил, несущих одну и ту же альтернативную идеологию. Вместо социальной справедливости – права личности, вместо солидарности – индивидуальную свободу, вместо общенародного единства – раскол общества на антагонистические группы классового, национального или религиозного характера.

В этом кругообороте есть, разумеется, поступательное движение. Спиралевидный характер исторического процесса многократно отмечался философами. С развитием производительных сил усложняются система управления обществом и социально-государственное устройство. Циклическая форма

такого движения отражена в теории смены технологических и мирохозяйственных укладов⁷⁴. Их жизненные циклы задают ритм современного социально-экономического развития, отчётливо проявляющийся в западных странах, но стирающийся в Империи. Если в Западном мире посредством кризисов и войн происходила смена технологических и мирохозяйственных укладов, то в Империи они наслаивались друг на друга до тех пор, пока позволяли ресурсные ограничения. Воспроизводственные контуры имперского социально-государственного устройства воспринимают технологические и институциональные изменения во внешней среде как вызовы, которые необходимо ассимилировать для сохранения устойчивости. Однако с накоплением диспропорций сверх ассимиляционных возможностей социально-экономической среды изменения приобретают революционный характер, сопровождаясь революционной ломкой всего социально-государственного устройства.

В этом сложном процессе пока не удавалось сохранить историческую память, как и физическую преемственность властвующей элиты в Империи.

5.2. Что дальше?

Как известно, после распада СССР американские власти сформулировали свою главную цель на постсоветском пространстве так: «Наша первоочередная задача – не допустить появления на территории бывшего Советского Союза или где-либо ещё нового соперника, представляющего угрозу, аналогичную исходившей от СССР⁷⁵. Вот почему они столь резко и агрессивно отреагировали на инициативу глав России, Белоруссии и Казахстана создания Евразийского экономического сообщества, а затем Таможенного и Евразийского Союза. Хотя он формируется не более, как общий рынок по правилам ВТО, без единых надгосударственных политических институтов, американской политической верхушке тут же померещилась реинкарнация СССР⁷⁶.

Тем временем реальная угроза американскому доминированию возникла со стороны Китая. Сохранив коммунистическую идеологию «с китайской спецификой» и творчески переработав опыт социалистического строительства в СССР, утя его и собственные ошибки, китайское руководство создало эффективную систему управления социально-экономическим развитием на основе сочетания планирования и рыночной самоорганизации при регулирующей роли социалистического государства. Сохранив идеологический и политический контуры воспроизводства советской империи, китайские коммунисты трансформировали экономический контур на базе рыночных механизмов, раскрепостив социальную энергию семейно-родового контура и направив её на решение задач развития экономики и повышения уровня народного благосостояния.

Социально-государственное устройство, сочетающее имперские воспроизводственные контуры с капиталистическими отношениями, было характерно и для Российской империи. Но впервые в истории сосуществования имперского и капиталистического мира формирование нового мирохозяйственного уклада происходит внутри Империи, захватывая близлежащую капиталистическую «периферию». Возможно, в этом заключается предпосылка смены более «длинных» – цивилизационных – циклов. Одни специалисты утверждают, что заканчивается эра капитализма⁷⁷, другие говорят о переходе к постиндустриальному обществу⁷⁸, третьи – о ноосферной цивилизации с парадигмой устойчивого развития и мировой гармонии⁷⁹.

Формирующийся в Китае и прилегающих странах Азии интегральный мирохозяйственный уклад предусматривает ограничение капиталистической деятельности социально-приемлемыми рамками. Причём, в отличие от Российской империи, делается это на сугубо рациональной идеологической основе и жёстко закрепляется в политическом и экономическом воспроизводственном контурах нормативным образом. Критерием их отбора является не соответствие идеологическим догмам, а экономическая эффективность в смысле роста объёмов и качества производства благ для повышения уровня и качества жизни народа. Достижимый в рамках этого мирохозяйственного уклада экономический рост обеспечивает его быстрое развитие и расширение на всё большую часть мирового пространства.

Воспроизводство прежнего американоцентричного финансово-монополистического мирохозяйственного уклада натолкнулось на внутренние диспропорции, преодолеть которые в рамках его институциональной системы

невозможно⁸⁰. Накопление капитала приобрело фиктивный характер в силу экспоненциальной эмиссии фиатных (необеспеченных) денег и так же не обеспеченных реальными активами обязательств. Вследствие концентрации денег и деловой активности в финансовых пирамидах практически прекратилось расширенное воспроизводство реального сектора экономики. В “ядре” такого мирохозяйственного уклада не повышается уровень жизни населения, растёт социальное неравенство.

Дальнейшее развитие НТП и расширенное воспроизводство реального сектора экономики требует повышения уровня квалификации населения, а следовательно, роста его благосостояния и уровня образования, в то время как накопление капитала ведёт к падению жизненного уровня трудящихся и росту социального неравенства. Это главное противоречие переходного периода от одного МХУ к другому. Накопление капитала как главный стимул роста экономики уже исчерпало потенциал своего роста, а следовательно, капитализм как способ организации производства должен стать достоянием истории и на смену ему должен прийти не социализм или коммунизм или их конвергентный образ, а новый интегральный способ организации производства, соединяющий общественный интерес с частной инициативой, который назван нами Интегральным МХУ.

Дальнейшее развитие производительных сил требует перехода к новому, интегральному мирохозяйственному укладу. Его формирование в Китае, Индии, Индокитае на основе сочетания государственного планирования и рыночной самоорганизации, общенародной собственности на инфраструктуру и частного предпринимательства, подчинения предпринимательской инициативы общественным интересам при гармонизирующей роли государства показало принципиальные преимущества по сравнению с нынешним финансово-монополистическим мирохозяйственным укладом.

Впервые в истории переход к новому мирохозяйственному укладу связан не с расширением возможностей развития капиталистических отношений, а с их ограничением. Эта существенная разница означает, что одновременно меняется, как говорят математики, производная функции социально-экономического развития. Прекращается опережающее развитие капиталистического мира, который должен вернуться под контроль идеологического и политического воспроизводственных контуров имперского социально-государственного устройства. Только само это устройство приобретает глобальный характер, что тоже является признаком смены цивилизационных циклов – от локальных конфликтующих цивилизаций к глобальному разнообразию сотrudничающих цивилизаций в интересах гармоничного развития человечества.

В современных условиях Империя не может быть образована в результате завоевания или даже принуждения одних стран другими. Она образуется только на основе международного права как коалиция государств, заинтересованных в переходе к интегральному мирохозяйственному укладу и противостоящих агрессивной реакции транснационального капитала. Этот переход, однако, не произойдёт сам собой, без создания антивоенной коалиции активных стран. Чтобы такая коалиция приобрела влияние, нужен идеологический и политический контур её воспроизводства как целостного социально-государственного образования. Для этого необходимо восстановление исторической памяти совместного развития народов Евразии, что позволит осознать фундаментальность конструирования современного Евразийского партнёрства со всеми необходимыми для устойчивого развития контурами воспроизводства.

Общая идеология должна соответствовать современной парадигме устойчивого развития и принципам интегрального мирохозяйственного уклада. Она накладывает следующие требования на воспроизводственные контуры.

Общий политический воспроизводственный контур должен строиться на базе норм международного права, исходя из суверенитета всех объединяющихся в коалицию государств, взаимовыгодности и добровольности сотрудничества на основе общих интересов в гармоничном устойчивом развитии.

Экономический контур должен быть достаточно гибким для учёта разнообразия хозяйственных систем стран коалиции, оставляя им свободу введения любых внешнеэкономических ограничений для обеспечения собственного устойчивого развития. Он призван ограждать участников коалиции от попыток дестабилизации их экономики извне, втягивания её в неэквивалентный финансовый обмен, ограничения технологического развития. Одновременно он

обязан обеспечивать участников коалиции необходимыми для развития экономики ресурсами, что предполагает наличие общего стратегического планирования, институтов развития, единого экономического пространства.

Семейно-родовые контуры социально-государственной системы коалиции должны получить благоприятные условия для гармоничного развития, что подразумевает приоритетное развитие образования, здравоохранения, культуры и науки, формирование общего рынка труда и единого образовательного пространства.

Для доказательства необходимости перехода к новому мирохозяйственному укладу и новому цивилизационному циклу остаётся рассмотреть противоположный сценарий. Если такого процесса не произойдёт, то мир ждёт один из следующих вариантов катастрофического развития событий:

- дальнейшая эскалация мировой гибридной войны с переходом в неуправляемую фазу и возможным применением оружия массового поражения;
- использование достижений нового технологического уклада в антигуманных целях (клонирование людей, конструирование киборгов, разработка и применение избирательного биологического оружия);
- техногенная глобальная катастрофа в результате непродуманного развития производств нового технологического уклада.

Имеющиеся научно-технические прогнозы свидетельствуют о реальности перечисленных угроз. Это служит ещё одним доказательством безальтернативности перехода к интегральному мирохозяйственному укладу. В противном случае человеческая цивилизация самоуничтожится вследствие либо мировой войны, либо перехода к принципиально новому технобиологическому виду.

Сохранение человеческой цивилизации, как и её зарождение, будет зависеть от евразийского интеграционного процесса. Чтобы соответствовать современным вызовам, он должен иметь прочный идеологический фундамент, основанный на исторической памяти народов Евразии. Такой фундамент может быть создан на основе сопряжения ЕАЭС и китайского проекта “Один пояс – один путь” и формирования Большого Евразийского партнёрства, объединённой единой исторической судьбой входящих в него стран и народов.

Такой взгляд на логику развития в мировой истории наводит на следующие размышления относительно современного положения России и перспектив нашего будущего. По прошествии четверти века после распада СССР и массированного импорта американско-европейских институтов Имперского МХУ с целью поглощения России и бывших европейских республик мировой капиталистической системой можно сделать следующие выводы.

1. Вне зависимости от декларируемых целей властвующая элита всех постсоветских республик отторгает институты демократии и свободной конкуренции, а также принцип разделения властей. Во всех этих республиках сформировались авторитарные политические режимы, опирающиеся на силовые структуры и подчиняющие систему государственного управления интересам обогащения властвующей элиты.

2. Все попытки западных “партнёров” навязать постсоветским республикам свои представления о социальной организации и роли государства не дали ожидаемого результата. При этом, чем сильнее было западное вмешательство с целью насаждения “прогрессивных” идей, тем архаичнее была реакция общества на их внедрение. Наибольшим это вмешательство было в государствах Прибалтики и на Украине, ответом на которое стало формирование нефашистских и криминальных властных структур с реинкарнацией образов гитлеровской Германии. В России на почве, навязанной западными финансовыми институтами и экспертами радикальных реформ, выросла криминально-компрадорская олигархия, эксплуатирующая в целях личного обогащения институты государственной власти. В богатых полезных ископаемыми среднеазиатских республиках восстановились ханские структуры власти. В тех же республиках, где формально закрепилась парламентская форма правления, идёт перманентная борьба кланов, сопровождающаяся хронической политической нестабильностью и периодическими революциями.

3. Сложившаяся в России структура властных отношений напоминает XVIII век. Опираясь на имперские институты власти, прозападная властвующая элита беспощадно эксплуатирует народ и природные ресурсы страны, вывозя капитал за рубеж, вместо того чтобы вкладывать его в развитие отечественной экономики. Хотя государственные институты приобретают всё более

выраженный имперский характер, используются они в значительной степени вопреки интересам народа и страны для обслуживания интересов властвующей элиты, которая озабочена, главным образом, личным обогащением и обустроивается в Европе и США. Как и во времена Екатерины Великой, мы видим то же кичливое богатство на фоне народной нищеты, то же влияние в мире при стагнации внутреннего развития и т. д.

Следует заметить, что подобное состояние дел типично для состояния центра глобального накопления капитала в фазе финансовой экспансии соответствующего мирохозяйственного уклада. Во времена Екатерины это был период финансовой экспансии Голландского системного цикла накопления капитала (СЦНК) и разрушения торгово-мануфактурного мирохозяйственного уклада при переходе к Британскому СЦНК. Сегодня мир переживает финансовую экспансию американского СЦНК с разрушением имперского мирохозяйственного уклада и переходом к интегральному МХУ. Россия вовлечена в эти процессы в качестве периферии внешнего центра СЦНК, а не части ядра нового мирохозяйственного уклада, что делает проблематичным её дальнейшее самостоятельное развитие. Её экономика может оказаться затянутой в воронку распада “ядра” уходящего мирохозяйственного уклада, утратив возможность к самостоятельному воспроизводству.

В отсутствие идеологии государство быстро коррумпируется. Место идеологии занимает культ денег и наживы, разлагающий общество. Происходит устойчивая дисфункция государственной власти, которая перестаёт соответствовать ожиданиям общества, определяемым традиционными ценностями социальной справедливости. В результате в общественном сознании происходит делегитимизация власти и её носителей, что порождает революционную ситуацию.

4. Приобретая авторитарный, если не сказать цезаристский характер, государство опирается на силовые структуры, подавляющие оппозицию и подминающие суды. При этом оно не обладает механизмами внутреннего контроля за качеством государственного управления. Отсутствие механизмов ответственности за последствия принимаемых решений и политической конкуренции влечёт за собой падение эффективности государственного управления и образование разрыва между властвующей и продуктивной элитой, а также формирование антагонистических противоречий между властью и народом. Эта ситуация напоминает вторую половину XIX века, когда освобождённый от крепостной зависимости и заодно от земли народ, подвергаясь жесточайшей эксплуатации, утратил доверие к царю⁸¹. Потребовалось около полувека, чтобы он взялся за дубинушку, которую подготовленные на Западе революционеры направили против власти. Достаточно вспомнить высказывание Председателя Совета министров Российской империи графа Сергея Юльевича Витте (1849–1915): “Большинство дворян представляют собой кучку дегенератов, которые, кроме своих личных интересов и удовлетворения личных похотей, ничего не признают, а потому и направляют все усилия на получение тех или иных милостей за счёт народных денег, взыскиваемых с обедневшего русского народа для государственного блага... В конце XIX и начале XX века нельзя вести политику средних веков, когда народ делается, по крайней мере в части своей, сознательным, невозможно вести политику несправедливого поощрения привилегированного меньшинства за счёт большинства. Правители, которые этого не понимают, готовят революцию, которая взрывается при первом же случае. Вся наша революция произошла оттого, что правители не понимали и не понимают той истины, что общество, народ движется. Правительство обязано регулировать это движение и держать его в берегах, а если оно этого не делает, а прямо грубо загроживает путь, то происходит революционный потоп...”

В нашу эпоху процессы социальной эволюции разворачиваются в несколько раз быстрее, а опыт “оранжевых” революций говорит о стремительности процессов обрушения власти, утратившей доверие народа даже при слабости демократических институтов.

Современное состояние России носит переходный и неустойчивый характер. Продолжение проводимой политики обогащения властвующей элиты за счёт сверхэксплуатации народа и природных богатств страны с вывозом капитала за рубеж неизбежно повлечёт за собой революцию и очередную смуту с продолжением распада страны на небольшие государственные образования,

в которых реинкарнация имперских институтов власти будет уже невозможна. По этому пути прошла Европа, лишившись вначале имперских, а затем и национальных институтов власти, место которых заняла обслуживающая интересы капитала евробюрократия.

Второй вариант – приведение социально-экономической политики в соответствие с традиционными ценностями социальной справедливости и укрепление имперских институтов власти механизмами ответственности и народного контроля. По этому пути пошёл Китай, совершив за три десятилетия скачок из руин культурной революции в процветающую сверхдержаву.

Не вдаваясь в историю Китая, констатируем, что, как и Россия, он веками сохранял имперскую систему управления. Поднебесная всегда была империей, которая, правда, время от времени распадалась. Поэтому не случайно теоретики китайской бюрократии утверждают, что политика подвержена известному циклу: “децентрализация ведёт к хаосу, хаос ведёт к централизации, централизация ведёт к застою, застой ведёт к децентрализации”. И всё это порождается “феноменом необучаемости властвующей элиты” – это всеобщий закон общественного развития.

И так же, как и Россия, Китай подвергался небезуспешному подрывному влиянию западных “партнёров”, к числу которых после революции Мейдзи с конца XIX века стали отнести Японию. Но, в отличие от наших, китайские руководители сумели модернизировать устаревшую систему директивного планирования, придав ей более индикативный характер и дополнив её рыночными механизмами. Сохранив неизменной политическую систему и социалистическую идеологию, компартия Китая дала свободу частному предпринимательству, подкрепив его созидательную составляющую эффективной системой государственной поддержки.

Руководство КПСС оказалось неспособно провести системную модернизацию в силу зашоренности марксистскими догмами о недопустимости частной собственности и работы по найму. Сменившее его руководство России оказалось неспособно к историческому творчеству и поверило в догмы Вашингтонского консенсуса, дав себя увести в тупик колониальной зависимости. Появившаяся в 60-е годы прошлого века теория конвергенции, доказывавшая возможность и целесообразность перехода к смешанной экономике, сочетающей преимущества капиталистического и социалистического способов производства, была отвергнута.

Исходя из логики исторического процесса движения к всё более сложным формам человеческого творчества, следует отбросить примитивные теории, упрощающие смысл экономической деятельности до извлечения прибыли любым способом или выполнения плановых директив любой ценой. “Невидимая рука” рынка – это столь же надуманная абстракция, как оптимальный план. И формула римского права собственности (владею, пользуюсь, распоряжаюсь), и фетишизация денег, и абсолютизация свободы движения капитала – все эти популярные в российской властвующей элите “символы веры” в действительности являются не более чем выражением её интересов в максимизации доходов и власти путём сокращения регулирующих возможностей государства.

В академической науке давно осмыслены сложносоставной характер современных отношений собственности, инструментальный характер современных денег, смешанный характер современной экономики, не сводимой к чисто рыночным механизмам самоорганизации или планово-директивного управления. Также как растущее значение государства, функции которого не сводятся к защите интересов правящего класса. Государство в новом мирохозяйственном укладе выражает интересы всего общества, стремясь к их гармонизации и выступая в качестве интегратора деятельности различных социальных групп с разными интересами в целях социально-экономического развития.

Логика мировой истории подтверждает спиралевидную форму социально-экономического развития, при которой смена привычных признаков государственной политики сопровождается обогащением их содержания и усложнением структуры. Институты нового мирохозяйственного уклада на порядок разнообразнее, сложнее и гибче, чем система управления народнохозяйственным комплексом СССР. В свою очередь, эта система была на порядок сложнее использовавшейся в Российской империи. Их не стоит романтизировать или облагораживать по сравнению с мрачной средневековой реальностью, в которой

систематически применялось насилие для преодоления внутренних распри с огромным количеством жертв. Но их нельзя и хулить по сравнению с родившейся в Европе либерально-демократической тенденцией, которая в своих предельных формах доходила до торговли людьми, расизма и фашизма. При этом современные представления о рыночной конкуренции с ведущей ролью НТП среди факторов производства на порядок сложнее построений Смита, Рикардо и даже Самюэльсона в его “Экономикс”.

Иными словами, раскрытая в нашей работе логика истории состоит в бесконечном движении человеческого общества ко всё более сложным и разнообразным формам организации, порождающим всё новые достижения НТП и социально-экономического развития. Это движение направляется диалектикой взаимодействия личных и общественных интересов. Зародившийся в уме А. Смита *homo economicus*, хоть никогда и не существовал в реальности, стал жупелом либерального государства, обслуживающего интересы крупных владельцев денег.

Следует заметить, что либеральная экономическая идеология всегда становилась экономическим мейнстримом в фазе финансовой экспансии любого системного цикла накопления капитала, в то время как дирижизм или авторитарная модель всегда становились мейнстримом в фазе материальной экспансии любого СЦНК, так как реальному производству требуется защита и помощь государства, а финансовому капиталу, наоборот, требуется свобода перемещения. Эта закономерность экономического развития отчётливо прослеживается, начиная с XV века, когда периодически на смену фритредерства в фазе финансовой экспансии СЦНК с переходом к новому мирохозяйственному укладу и фазой материальной экспансии нового СЦНК приходил протекционизм в качестве главной экономической идеологии, и наоборот.

В смене либеральной и авторитарной моделей глобального социально-экономического развития формировались вековые циклы накопления капитала после Реформации. Возможно, с переходом к интегральному мирохозяйственному укладу сопутствующие их смене мировые войны прекратятся, а человечество выйдет на ноосферный путь развития. И заодно избавится от исторической мифологии.

Как показано Т. Сергейцевым⁸², система ценностей, лежащая в основе образа американской сверхсилы, олицетворением которой стало глобальное доминирование американоцентричной олигархии, исходит из постмодернистской концепции освобождения человека от Бога и установленных им нравственных ограничений. Абсолютизация человеческого произвола, в конечном счёте, выливается в право сильного, что и демонстрирует американская олигархия, пытающаяся управлять по своему усмотрению всей планетой, опираясь на присвоенную ею монополию эмиссии мировой валюты. Положить конец этому произволу можно только на основании более высокой системы ценностей, ограничивающей свободу человеческой воли. Выше воли человека и общества могут быть только объективные законы мироздания, признаваемые рациональным мышлением, а также установленные Всевышним нравственные заповеди, непреложные для религиозного сознания. Первые устанавливаются, исходя из научной парадигмы устойчивого развития, вторые должны приниматься за аксиомы в системе глобального законотворчества.

Все великие религии ограничивают свободу человеческого произвола соблюдением определённой системы нравственных норм. “Широк человек, слишком даже широк, я бы обузил!” – говорит один из героев Достоевского в “Братьях Карамазовых”. Современная постхристианская западная цивилизация не признаёт абсолютного характера этих норм, интерпретируя их как относительные и устаревшие, которые можно нарушать, если того требуют обстоятельства. Американская олигархия располагает возможностями глобального доминирования в той мере, в какой позволяют международные условия. Их можно изменить, ограничив возможности США путём расширения шансов и потенциала их конкурентов. Это изменение достигается в рамках существующего миропорядка посредством мировой войны. Чтобы её избежать, нужно перестроить сам миропорядок – ввести абсолютные ограничения на произвол как человеческой личности, так и любых общностей, включая государства и их объединения. Тем самым будет ликвидировано само основание для существования сверхсилы, угрожающей безопасности человечества в институциональной системе имперского мирохозяйственного уклада.

Идеологическим фундаментом для нового миропорядка может стать концепция социально-консервативного синтеза, объединяющая систему ценностей мировых религий с достижениями социального государства и научной парадигмой устойчивого развития⁸³. Эта концепция может использоваться в качестве позитивной программы для формирования глобальной антивоенной коалиции, которая должна предложить понятные всем принципы упорядочивания и гармонизации социально-культурных и экономических отношений в мировом масштабе.

Гармонизация международных отношений достижима только с опорой на фундаментальные ценности, разделяемые всеми основными культурно-цивилизационными общностями. К числу таких ценностей относятся принцип недискриминации (равенства людей) и декларируемая всеми конфессиями любовь к ближнему без разграничения человечества на “своих” и “чужих”. Они могут выражаться в понятиях справедливости и ответственности, а также в юридических формах прав и свобод граждан. Причём фундаментальная ценность человеческой личности и равенства прав всех людей вне зависимости от их вероисповедания, национальной, классовой и какой-либо ещё принадлежности должна быть признана всеми конфессиями. Основанием для этого, во всяком случае, в монотеистических религиях, является принятие единства Бога и того, что каждое вероучение указывает к нему свою дорогу спасения человека, имеющую право на существование. Исходя из такого понимания, можно устранить принудительно-насильственные формы межрелигиозных и межнациональных конфликтов, перевести их в плоскость идеологически свободного выбора всякого человека. Необходимо выработать правовые формы участия конфессий в общественном жизнеустройстве и разрешении социальных противоречий. Это позволит нейтрализовать одну из самых разрушительных технологий американской стратегии ведения мировой хаотической войны – использование межконфессиональных противоречий для разжигания межрелигиозных и межнациональных вооружённых конфликтов, переходящих в гражданские и региональные войны.

Вовлечение конфессий в формирование международной политики даст нравственно-идеологическую опору для предотвращения этно-национальных конфликтов и создаст предпосылки для перевода межнациональных противоречий в конструктивное русло, снятия их посредством разнообразных инструментов государственной социальной программы. В свою очередь, включение конфессий в разработку и реализацию социальной политики подведёт под государственные решения нравственное основание. Это поможет обуздать дух вседозволенности и распущенности, доминирующей сегодня во властвующей элите развитых государств, восстановить понимание социальной ответственности власти перед обществом. Пошатнувшиеся сегодня ценности социального государства получают мощную идеологическую поддержку. В свою очередь, политическим партиям придётся признать значение фундаментальных нравственных ограничений, защищающих основы человеческого бытия. Всё это будет способствовать осознанию глобальной ответственности политических лидеров и ведущих наций за гармоничное развитие международных отношений и содействовать успеху антивоенной коалиции.

Концепция социально-консервативного синтеза даёт идеологическую базу для реформирования международных валютно-финансовых и экономических отношений, исходя из принципов справедливости, взаимного уважения национальных суверенитетов и взаимовыгодного обмена. Их реализация требует существенного ограничения свободы действия рыночных сил, постоянно порождающих дискриминацию большинства граждан и стран по доступу к благам.

Либеральная глобализация подорвала возможности государств влиять на распределение национального дохода и богатства. Транснациональные корпорации получили право бесконтрольного перемещения ресурсов, ранее контролировавшееся государствами. И они оказались вынуждены сокращать степень социальной защищённости граждан, чтобы сохранять привлекательность своих экономик для инвесторов. Одновременно уменьшилась эффективность государственных социальных инвестиций, потребители которых освободились от национальной принадлежности. В результате присвоения растущей части генерируемых в мировой экономике доходов американоцентричной олигархией происходит снижение уровня жизни населения большинства стран с открытой

экономикой, усиление дифференциации граждан по доступу к благам, вновь растёт социальное неравенство. Для преодоления этих разрушительных тенденций необходимо изменение всей архитектуры международных финансово-экономических отношений путём введения ограничений на движение капитала с целью блокирования возможностей его ухода от социальной ответственности, с одной стороны, и выравнивания издержек социальной политики национальных государств, с другой стороны.

Сужение границ уклонения капитала от социальной ответственности включает ликвидацию офшорных зон, позволяющих ему уходить от налоговых обязательств, и признание права национальных государств регулировать его трансграничное перемещение. Выравнивание социальных издержек различных государств потребует формирования глобальных минимальных стандартов, предусматривающих опережающее повышение уровня социального обеспечения населения относительно бедных стран. Для этого должны работать международные механизмы выравнивания уровня жизни населения, что предполагает создание соответствующих инструментов их финансирования.

Исходя из концепции социально-консервативного синтеза, допускается постановка задачи формирования глобальных механизмов социальной защиты как элементов нового (интегрального) мирохозяйственного уклада. Например, для обеспечения их деятельности может быть введён налог на валютнообменные операции в размере 0,01% от суммы транзакций. Такой налог должен взиматься на основе соответствующего международного соглашения в рамках национальных налоговых законодательств и перечисляться в распоряжение уполномоченных международных организаций. Расходование полученных средств должно вестись на основе соответствующих бюджетов, утверждение которых рекомендуется делегировать Генеральной Ассамблее ООН.

Ещё одним направлением формирования институтов интегрального мирохозяйственного уклада может стать создание глобальной системы защиты окружающей среды, финансируемой за счёт её загрязнителей. Для этого целесообразно заключить соответствующее международное соглашение с введением универсальных норм штрафов за загрязнение окружающей среды и перечислением их на экологические цели в соответствии с национальным законодательством и под контролем уполномоченной международной организации. Часть собранных средств должна использоваться для проведения глобальных экологических мероприятий и организации мониторинга состояния окружающей среды.

Важнейшим направлением формирования институциональной системы нового мирохозяйственного уклада должно стать создание глобальной системы ликвидации безграмотности и обеспечения доступа всех граждан планеты к информации и получению современного образования. Организация такой системы в обязательном порядке предусматривает унификацию минимальных требований к всеобщему начальному и среднему образованию с выделением дотаций на их реализацию слаборазвитым странам за счёт средств, собираемых путём предложенного выше налога. Должна быть также создана доступная для участия всех граждан планеты система предоставления услуг высшего образования ведущими вузами развитых стран. Последние могли бы по своему усмотрению выделять квоты на приём иностранных студентов, набираемых по международному конкурсу с оплатой обучения из того же источника. Параллельно силами участвующих в этой системе вузов должна быть развернута глобальная система предложения дистанционных образовательных услуг, открытая для всех граждан планеты со средним образованием на бесплатной основе. Создание и поддержание соответствующей информационной инфраструктуры рекомендуется возложить на ЮНЕСКО и Мировой банк с финансированием из того же источника.

Формирование интегрального мирохозяйственного уклада предполагает программу стабилизации мировой экономики, опирающуюся на оптимизацию глобальных финансово-экономических отношений, исходя из принципов взаимной выгоды и добросовестной конкуренции, исключающей возможность монополизации тех или иных функций регулирования международного экономического обмена в чьих-либо частных или национальных интересах. Увеличивающийся разрыв между бедными и богатыми странами, создающий угрозу развитию и самому существованию человечества, воспроизводится и поддерживается присвоением ряда функций международного экономического

обмена национальными институтами США и их союзников, действующих исходя из собственных частных интересов. Они монополизировали эмиссию мировой валюты, используя эмиссионный доход в личных целях и обеспечивая неограниченный доступ к кредиту своим банкам и корпорациям. Они монополизировали установление технических стандартов, поддерживая технологическое превосходство своей промышленности. Они навязали всему миру выгодные им правила международной торговли, заставив другие государства открыть внутренние товарные рынки и резко ограничить собственные возможности влиять на конкурентоспособность национальных экономик. Они принудили большинство стран к открытию рынков капитала, создав условия для господствующего положения своей финансовой олигархии, опирающейся на присвоенную ею монополию безграничной эмиссии мировой валюты.

Обеспечение устойчивого и успешного для человечества в целом социально-экономического развития предполагает устранение дискриминации и монополизации функций международной экономического обмена в чьих-либо частных или национальных интересах. Для этого могут вводиться его глобальные и национальные ограничения.

В частности, для предотвращения глобальной финансовой катастрофы необходимы срочные меры по формированию новой безопасной и эффективной архитектуры мировой валютно-финансовой системы, основанной на взаимовыгодном обмене национальных валют и исключающей присвоение глобального эмиссионного дохода в чьих-то частных или национальных интересах. Коммерческие банки, обслуживающие международный экономический обмен, должны быть обязаны проводить операции во всех национальных валютах. При этом курсы их обмена должны устанавливаться по процедуре, согласованной национальными банками в рамках соответствующего международного договора. При необходимости роль всеобщего эквивалента может играть золото, специальные права заимствования МВФ или иные международные расчётные единицы. В качестве таковых предлагаются наднациональные цифровые валюты, создаваемые вначале на уровне региональных интеграционных структур.

Соответственно должны быть изменены функции и система управления МВФ. На него могла бы быть возложена ответственность за мониторинг курсообразования национальных валют, а также роль эмитента мировой валюты, используемой для чрезвычайного кредитования временных дефицитов платёжных балансов отдельных государств и их национальных банков в целях предотвращения региональных и мировых валютно-финансовых кризисов и поддержания стабильных условий международного экономического обмена. Совместно с Базельским институтом МВФ мог бы также выполнять функции глобального банковского надзора, устанавливая обязательные нормативы для всех коммерческих банков, обслуживающих международный экономический обмен. Для этого необходимо демократизировать систему управления МВФ, все государства-участники которого должны получить равные права.

Для выравнивания возможностей социально-экономического развития нужно обеспечить свободный доступ развивающихся стран к новым технологиям при условии их отказа от использования получаемых технологий в военных целях. Государства, согласившиеся на это ограничение и открывшие доступ к информации о своих военных расходах, должны выводиться из-под ограничений международных режимов экспортного контроля. Им также необходимо помощь в получении важных для их развития новых технологий. Для этого в обязательном порядке следует резко активизировать деятельность ЮНИДО (в том числе по организации соответствующей информационной сети) и Всемирного банка. Он должен предоставлять кредитные ресурсы, эмитируемые МВФ, для долгосрочного финансирования необходимых для развивающихся стран инвестиционных проектов в сфере освоения современных технологий и создания инфраструктуры. Доступ к этим ресурсам на тех же условиях рефинансирования должны получить и международные региональные банки развития.

В целях обеспечения добросовестной конкуренции следует ввести международный механизм пресечения злоупотреблений ТНК монопольным положением на рынке. Соответствующие функции антимонопольной политики рекомендуется возложить на ВТО посредством специального, обязательного для всех государств-членов международного соглашения. Этим соглашением для

субъектов международного экономического обмена должно быть предусмотрено право требовать устранения указанных злоупотреблений со стороны ТНК, а также компенсации вызванных ими потерь за счёт введения соответствующих санкций. В число преступного использования прав ТНК наряду с завышением или занижением цен, фальсификацией качества продукции и другими типичными примерами недобросовестной конкуренции необходимо включить занижение оплаты труда по отношению к региональному прожиточному минимуму, подтвержденному МОТ. В отношении естественных глобальных и региональных монополий должны быть установлены процедуры регулирования цен на разумном уровне.

В условиях неэквивалентного экономического обмена государствам в обязательном порядке следует оставить достаточную свободу для регулирования национальных экономик в целях выравнивания уровней социально-экономического развития. Наряду с принятыми в рамках ВТО механизмами защиты внутреннего рынка от недобросовестной внешней конкуренции, инструментами такого выравнивания являются разнообразные механизмы стимулирования НТП и государственной поддержки инновационной и инвестиционной активности; установление государственной монополии на использование природных ресурсов; введение норм валютного контроля для ограничения вывоза капитала и нейтрализации спекулятивных атак против национальной валюты; удержание под национальным контролем важнейших секторов национальной экономики; другие формы повышения национальной конкурентоспособности.

Особое значение имеет создание благоприятных условий для добросовестной конкуренции в информационной сфере, включая средства массовой информации. Доступ в глобальное информационное пространство должен быть гарантирован всем жителям планеты, выступающим как в качестве потребителей, так и в статусе поставщиков информации. Для поддержания открытости этого рынка следует применять жёсткие антимонопольные ограничения, не позволяющие какой-либо стране или группе аффилированных лиц доминировать в глобальном информационном пространстве. Одновременно должен быть обеспечен свободный вход на рынок информационных услуг представителям различных культур. Важную для этого поддержку в силах оказать ЮНЕСКО за счёт поступлений предложенного выше налога на валютнообменные операции и платежей за доступ к ограниченным информационным ресурсам. Одновременно необходимо принять международные нормы по пресечению распространения информации, угрожающей социальной стабильности.

В случае отказа США и их союзников по НАТО от переустройства мирового экономического порядка на указанных выше принципах, страны, заинтересованные в скорейшем переходе к новому мирохозяйственному укладу, должны быть готовы сформировать собственные международные институты, альтернативные МВФ, Мировому банку и Базельскому институту. Это вполне реально сделать, опираясь на консолидированную позицию стран ШОС, БРИКС, АСЕАН. Нужно смелее формировать эти институты Интегрального МХУ, не обращая внимание на противодействие старых институтов. Никто же не перестраивал Лигу Наций в ООН, а сначала в 1945 году была организована ООН, а потом в 1946 году умерла Лига Наций.

ПРИМЕЧАНИЯ

⁴⁴ Arrighi G. The long twentieth century: money, power and the origins of our times. London: Verso, 1994.

⁴⁵ Глазьев С. Закономерность смены мирохозяйственных укладов в развитии мировой экономической системы и связанных с ними политических изменений // Наука. Культура. Общество. 2016. № 3. С. 5–45.

⁴⁶ Айвазов А., Беликов В. Экономические основы цивилизационных волн развития человечества // Партнёрство цивилизаций. 2016. № 3–4.

⁴⁷ Глазьев С. Методы оценки динамических характеристик НТП / Известия АН СССР, Серия экономическая, 1985. № 1; Научное открытие “Закономерность смены технологических укладов в процессе развития мировой и национальных экономик” (свидетельство о регистрации № 65-С выдано Международной академией авторов научных открытий и изобретений).

- ⁴⁸ Подробное изложение закономерности периодической смены технологических укладов впервые обстоятельно приведено в авторской монографии: Глазьев С. Ю. Теория долгосрочного технико-экономического развития. М.: Владар, 1993.
- ⁴⁹ Perez C. *Technological Revolutions and Financial Capital: The Dynamics of Bubbles and Golden Ages*. London: Elgar, 2002.
- ⁵⁰ Mensch G. 1979. *Stalemate in Technology – Innovations Overcame the Depression*. New York: Ballinger Publishing Company.
- ⁵¹ Никонов В. Современный мир и его истоки. М.: Издательство Московского университета, 2015.
- ⁵² См.: Ayres R. U. *Future Trends in Factory Automation* // IASA Working Paper. 1987. N 22; Chiang J.-T. *Technology Life Cycle in Semiconductor Industry*. IASA, 1988.
- ⁵³ OECD Work on Innovation – A Stocktaking of Existing work – OECD Science, Technology and Industry working papers, 2009/2.
- ⁵⁴ Никонов В. Указ. соч. 2015.
- ⁵⁵ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Т. 23. М.: Государственное издательство политической литературы, 1960. С. 10, 632.
- ⁵⁶ Львов Д. С., Фетисов Г. Г., Глазьев С. Ю. Эволюция технико-экономических систем: возможности и границы централизованного регулирования. М.: Наука, 1992.
- ⁵⁷ Бьёркский договор – секретный русско-германский союзный договор, который был подписан во время встречи императора Николая II с германским императором Вильгельмом II 11(24) июля 1905 года у балтийского острова Бьёркё (недалеко от Выборга) на борту императорской яхты “Полярная звезда”. Инициатива заключения договора принадлежала германской дипломатии, стремившейся разрушить русско-французский союз и предотвратить создание Антанты. С этой целью предполагалось превратить российско-германский союз в тройственный российско-германско-французский, направленный против Великобритании.
- ⁵⁸ Филимонов Г. Культурно-информационные механизмы внешней политики США. Истоки и новая реальность. М.: Российский университет дружбы народов, 2012.
- ⁵⁹ Fukuyama F. *The End of History and the Last Man*. Free Press, 1992.
- ⁶⁰ Attali J. *Millennium: winners and losers in the coming world order*. New York: Random House, 1991.
- ⁶¹ Глазьев С. О политике развития российской экономики / Доклад. М.: 2013.
- ⁶² Перспективы и стратегические приоритеты восхождения БРИКС / Под ред. В. Садовниченко, Ю. Яковца, А. Акаева. М.: МГУ – Международный институт Питирима Сорокина-Николая Кондратьева – ИНЭС – Национальный комитет по исследованию БРИКС – Институт Латинской Америки РАН, 2014.
- ⁶³ 2030 Чжунго: маньсян гунтун фуюй (Китай – 2030: вперёд, к всеобщей зажиточности) / Центр изучения положения в стране Университета Цинхуа / Под ред. Ху Аньган, Янь Илун, Вэй Син. Пекин: Изд-во Китайского Народного университета, 2011. С. 30.
- ⁶⁴ Садовничий В., Яковец Ю., Акаев А. Указ. соч. 2014.
- ⁶⁵ Данные ВВП получены по показателям паритета покупательной способности (ППС); расчёты за 1820–2000 годы проведены А. Мэддисоном; расчёты за 2010–2030 годы проведены китайскими учёными на основе расчётов А. Мэддисона; Maddison A. *The World Economy: Historical Statistics*. Paris: OECD, 1995.
- ⁶⁶ Росс Дж. Китай и новый период в мировой экономике // Экономические стратегии. 2017. № 4. С. 40–53.
- ⁶⁷ Ramo J. *The Beijing Consensus*. London: The Foreign Policy Centre, 2004.
- ⁶⁸ Сорокин П. Главные тенденции нашего времени. М.: Наука, 1997. С. 350.
- ⁶⁹ Поршнев Б. О начале человеческой истории (Проблемы палеопсихологии). М.: Мысль, 1974.
- ⁷⁰ 11 июня 1936 года ЦИК СССР одобрил проект новой советской конституции. Первый раздел (“Общественное устройство”) заканчивается так: “В СССР осуществляется принцип социализма: от каждого по его способности, каждому – по его труду”. Фраза Конституции СССР 1936 года в тексте Конституции 1977 года была незначительно изменена: “От каждого – по способностям, каждому – по труду”.

- ⁷¹ На XXII съезде КПСС в 1961 году была принята новая (третья) Программа КПСС. В ней предусматривалось за 20 лет (к 1980 году) построить материально-техническую базу коммунизма, обеспечив советским гражданам изобилие материальных и культурных благ. Уже за 10 лет, к 1970-му, СССР должен был выйти на первое место в мире по производству продукции на душу населения. Программа выдвигала задачу создания единой коммунистической формы общественной собственности, что предполагало повышение “уровня обобществления” в колхозной сфере и, в конечном счёте, слияние колхозно-кооперативной собственности с общенародной. Ставилась также задача преодолеть различия между городом и деревней, а в дальнейшем – между умственным и физическим трудом. Всё это должно было привести к стиранию классовых различий в советском обществе и формированию бесклассового общества.
- ⁷² Глазьев С. Теория долгосрочного технико-экономического развития. М.: ВладДар, 1993.
- ⁷³ “Что вы волнуетесь за этих людей? Ну, вымрет тридцать миллионов. Они не вписались в рынок. Не думайте об этом – новые вырастут”. Эту фразу, по утверждению бывшего Председателя Госкомимущества В. П. Полеванова, его предшественник на этом посту А. Чубайс произнёс в личной беседе с ним.
- ⁷⁴ Глазьев С. Мирохозяйственные уклады в глобальном экономическом развитии // Экономика и математические методы. 2016. Т. 52, № 2; Глазьев С. Прикладные результаты теории мирохозяйственных укладов // Экономика и математические методы. 2016. Т. 52, № 3; Глазьев С. Последняя мировая война. США начинают и проигрывают. М.: Книжный мир, 2016; Глазьев С. Экономика будущего. Есть ли у России шанс? М.: Книжный мир, 2016.
- ⁷⁵ Из подготовленного Пентагоном доклада “Директива в области обороны” на 1994–1998 финансовые годы.
- ⁷⁶ Бывший Госсекретарь США Хиллари Клинтон на пресс-конференции в Дублине 6 декабря 2012 года заявила: “Сейчас предпринимаются шаги по ресоветизации региона. Называться это будет иначе – Таможенным союзом, Евразийским Союзом и так далее. Но не будем обманываться. Мы знаем, какова цель этого, и пытаемся найти действенные способы замедлить или предотвратить это”.
- ⁷⁷ Яковец Ю. Политическая экономия цивилизаций. М.: Экономика, 2016.
- ⁷⁸ Тоффлер Э. Третья волна. М.: АСТ, 2010.
- ⁷⁹ Акаев А. А. Экономика XXI века – это нооэкономика, экономика справедливости и разума // Проблемы теории и практики управления. 2014. № 11. С. 8–12.
- ⁸⁰ Кобяков А., Хазин М. Закат империи доллара и конец “Рах Americana”. М.: Вече, 2003.
- ⁸¹ Этот исторический период аналогичен нынешнему – финансовизации Британского СЦНК и разрушения Колониального МХУ.
- ⁸² Сергейцев Т. Падение мировой сверхвласти: крымский рубеж. М.: Однако. Июнь-июль. 2014. № 174.
- ⁸³ Глазьев С. Социалистический ответ либеральной глобализации. М.: АПН, 2006.